

ОГОНЁК

№ 18 АПРЕЛЬ 1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Песня о мире

На улицах шумных
она возникает сначала
в приветственных кликах,
в цветах и прожекторном свете.
Ее продолженье —
в просторе огромного зала,
где мы побратались,
всех наций свободные дети.
Звучит эта песня
биеньем сердец человечьих.
В ней зной Камеруна
и ветер нагорий Кашмира.
В ней воля к победе
и память о радостных встречах
защитников жизни
под знаменем дружбы и мира.
От сердца до сердца
Вьетнаму, Корее, Китаю
ту песню вручают
народы Советской державы.
Встречает она
голосистую, звонкую стаю
детей-школяров —
материнскую гордость Варшавы.
Вот негр поднялся
над жужжаньем огромного улья,
призывно простер
узловатые сильные руки.
И, песнею зал потрясая,
встали на стулья
сыны угнетенных
и в цепи закованных внуки.
И братьям,
рожденным в аду притеснений и злости,
на каторге страшных плантаций
обеих Америк,
откликнулись — Черная Африка,
Берег Слоновой Кости
и Золотой,
оскорбленный, ограбленный Берег.
Как будто сквозь шлюзы,
стремительно хлынули реки,
в безмерности моря
свободно разлиться желая.
Запели испанцы,
сыны Индонезии, греки.
И, за руки взявшись,
запели Вьетнам и Малайя.
И стены упали.
И мир распахнулся.
И ветер
понес, подхватил,
разбегаясь все шире и шире,
от края до края,
по всей необъятной планете,
набатную песню
о дружбе,
о братстве,
о мире.
О мире для мира!
На всех языках и наречьях,
по всем континентам
мелодия песни звучала;
народам земли,
миллионам сердец человечьих,
предвестьем победы
немеркнущий свет излучала.

Ал. СУРКОВ

На первой странице обложки: НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ 1 МАЯ.
Фото Дм. Бальтерманца

На последней странице обложки:
ТАНЕЦ РАДОСТИ. ТАДЖИКИСТАН.
Фото И. Барамыкова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 18 (1299)

27 АПРЕЛЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Да здравствует Первое Мая!

Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед, к победе коммунизма!

Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Фото Н. Петрова

Первое мая

Весна! Какое это сильное, зовущее к себе и вселяющее бодрость слово! Оно близко всем народам, любому поколению. Не случайно международный пролетариат решил в прошлом столетии ежегодно отмечать свой праздник в яркий весенний день первого мая. «...Именно сегодня, в день Первого мая,— писал товарищ Сталин сорок лет назад в листовке, посвященной этому великому празднику рабочих,— когда природа просыпается от зимней спячки, леса и горы покрываются зеленью, поля и луга украшаются цветами, солнце начинает теплее согревать, в воздухе чувствуется радость обновления...», пролетарии решили «...заявить всему миру громко и открыто, что рабочие несут человечеству весну и освобождение от оков капитализма, что рабочие призваны обновить мир на основе свободы и социализма».

Все шире разливался океан рабочего движения, высокими волнами вздымалось море пролетарского гнева и все грознее наступало на колеблющуюся твердыню капитализма. Социалистическая революция не за горами, писал товарищ Сталин, приветствуя грядущую русскую революцию — освободительницу России.

Да, социалистическая революция была не за горами. Рабочие России, ведомые большевистской партией, во главе с Лениным и Сталиным, были уверены в своей победе. Сильные и гордые, они смело шли «по пути к обетованной земле, по пути к светлому социализму».

Ленские события 1912 года стали началом нового мощного революционного подъема в России, завершившегося спустя пять лет Великой Октябрьской революцией. Сбылись вещие сталинские слова, сказанные им в первомайской листовке 1912 года. Социалистическая революция победила! Победил социализм! На одной шестой части земного шара восторжествовал свободный творческий труд.

Сотни и сотни миллионов людей отмечают ныне Первое мая как праздник международной солидарности, братства рабочих всех стран, как праздник мира и труда.

Советский народ каждый год ознаменовывает Первое мая новыми и новыми успехами во всех областях народного хозяйства, науки и культуры. В этом году советский народ встречает великий праздник с чувством особой гордости за свою Родину. Успешно выполнен план развития народного хозяйства страны за первый квартал 1952 года.

С огромным подъемом и невиданным энтузиазмом трудятся советские люди на великих стройках коммунизма. Недалек день, когда вступит в строй первенец этих строек — Волго-Донской канал. Успешно развиваются работы и по возведению других каналов и электростанций. Полезащитные лесные полосы опоясывают засушливые районы страны. Советский народ энергично претворяет в жизнь гениальный сталинский план преобразования природы.

В нынешнем году в стране осуществлено новое, пятое по счету, снижение цен на продовольственные товары массового потребления. Повседневная забота о нуждах всего народа является основной задачей большевистской партии и советского правительства. У нашей партии и правительства нет других интересов, кроме интересов народа. Вдохновляя советских тружеников на великие, благородные дела во имя коммунизма, наша родная коммунистическая партия, родная народная власть постоянно заботятся о неуклонном подъеме всеобщего благосостояния советского народа.

Советский Союз, страна победившего социализма, показал всему миру путь к счастливой, обетованной земле.

Страны народной демократии, народы свободного Китая, Германской Демократической Республики вместе с Советским Союзом отмечают Первое мая, как традиционный праздник солидарности, дружбы трудящихся всего мира. Первого мая знамена социализма поднимутся еще выше, гимн труда и мира зазвучит еще сильнее.

Идеи марксизма-ленинизма овладели широкими массами простых людей нашей планеты. Эксплуатируемые, угнетенные люди все смелее и громче выражают свой протест против несправедливостей «узаконенной» силы золота и власти хищного капитала

Американо-английский империализм является ныне особенно ярким выразителем алчной бесчеловечности и кровожадности. Развязав кровавую войну в Корее, американские империалисты пытаются в своей яростной погоне за наживой задавить растущую демократию, прикрываясь флагом Организации Объединенных Наций.

Империалисты, нарушая элементарные нормы человеческой морали, вопреки давно существующим международным законам, применяют в Корее и Китае бактериологическое оружие. Они хотят сломить силу свободолюбивого корейского народа, они пытаются помешать великому народу Китая создавать свое счастье.

В день Первого мая еще мощнее прозвучит голос протеста против злодеяний американских фашистов, против подготовки новой мировой войны, затеваемой империалистами.

Могучий фронт борцов за мир ширится с каждым днем. Уже 600 миллионов человек подписалось под Обращением о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. Грозная для врага, всемогущая рука трудового народа преграждает путь новой мировой войне. Народы знают, что от них зависит, быть или не быть новой войне.

«Мир победит войну! Народ за мир! Мы требуем мира и будем бороться за него!» — с этими призывами выходят трудящиеся всех стран на свои первомайские демонстрации.

Взоры всех истинных сторонников мира обращены к нам, советским людям, к товарищу Сталину — великому знаменосцу мира. Советский Союз возглавляет миролюбивый демократический лагерь — лагерь социализма. В этом лагере — сотни миллионов тех, кто на деле готов отстоять содружество народов, отстоять длительный и прочный мир.

Миролюбивая политика Советского Союза общеизвестна. Она провозглашена в первые же дни после победы Октябрьской революции. Дело мира советские люди защищали в битвах с врагами Родины, защищают в труде.

В ответе на вопросы группы американских редакторов товарищ Сталин снова разъяснил, что наша страна всегда стояла и стоит на позиции возможности мирного сосуществования двух систем.

«Мирное сосуществование капитализма и коммунизма, — говорит товарищ Сталин, — вполне возможно при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности исполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении принципа равенства и невмешательства во внутренние дела других государств».

Трудящиеся нашей страны выйдут на улицы с первомайскими призывами нашей большевистской партии, обращенными к советским рабочим, колхозникам, интеллигенции, к нашей славной молодежи. Эти призывы зовут к дальнейшим трудовым подвигам в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в науке и культуре.

Как и каждый год, трудящиеся нашей страны встречают международный праздник в этом году мощным подъемом социалистического соревнования. Свой вдохновенный труд, дерзания мысли, непреоборимую силу благородной души нового человека они посвящают коммунизму — этому реальному и близкому грядущему, солнечному завтра.

Пройдитесь по нашим городам и селам, вглядитесь в лица работающих у станков, на шахтах, у реверсов паровозов, на тракторах... Посмотрите на участников многолюдных первомайских демонстраций... Сколько в этих людях гордости за свою Родину, за свою партию. Советский человек горд, что работает под руководством товарища Сталина. Советский человек смело, уверенно шагает по своей, принадлежащей ему земле. Как старший товарищ, он протягивает руку зарубежным друзьям, ставшим на путь социализма.

Советский народ в день Первого мая посылает горячие поздравления трудящимся Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, успешно претворяющим в жизнь план социалистического строительства. Наш народ приветствует тружеников Германской Демократической Республики, борющихся за единство своей страны, за мир и демократию. Советские люди в праздник международной солидарности с особой силой чувствуют близость с великим китайским народом, преобразующим свою жизнь.

Могучим стал лагерь мира и демократии, лагерь социализма, возглавляемый Советским Союзом. Обетованную землю, о которой писал товарищ Сталин сорок лет назад, ныне обрели многие народы. Они завоевали свои права на настоящую весну, обновляющую землю. На основе свободы и социализма, к чему призывал товарищ Сталин еще сорок лет назад, эти народы обновляют мир. Радость обновления переживают теперь сотни и сотни миллионов счастливых людей.

Весна, весна с ярким солнцем и звонкими песнями придет и к другим народам. К коммунизму ведут все дороги. «...Коммунисты должны знать, — говорил В. И. Ленин, — что будущее во всяком случае принадлежит им...»

Когда товарищ Сталин в первомайской листовке писал о том, что рабочие несут человечеству весну, народы России верили в это, и они не обманулись. Верят в это и народы других стран.

Весна! Какое это сильное, зовущее к себе и вселяющее бодрость слово! Весна идет!

Парады на Красной площади

Генерал-лейтенант К. СИНИЛОВ

Дважды в год — 1 мая и 7 ноября — на исторической Красной площади в столице нашей Родины Москве проводятся парады советских войск.

Эти парады являются величественной демонстрацией боевой мощи Советской Армии, вооруженной первоклассной техникой, демонстрацией боевой готовности, высокой дисциплины и организованности советских воинов, их беспредельной преданности нашему правительству, Центральному Комитету большевистской партии и лично товарищу Сталину.

Парад на Красной площади!

Эта замечательная традиция восходит к первым годам существования советской власти, когда молодая Красная Армия отстояла родную страну от англо-американских, французских захватчиков и белогвардейцев. Первый парад советских войск состоялся на Красной площади 1 мая 1921 года. Отсюда ведем мы счет наших военных парадов, становившихся год от года все величественней и торжественней. Уже в следующий майский парад молодые красноармейцы принесли у стен Кремля клятву на верность Родине и народу. Впервые тогда раздались над притихшей площадью волнующие слова военной присяги:

«Я, сын трудового народа...»

7 ноября 1924 года молодых бойцов приводил к присяге Михаил Иванович Калинин. Всесоюзный староста принимал парад, которым командовал Климент Ефремович Ворошилов. Товарищ Калинин обошел выстроившиеся колонны войск и затем обратился к ним с такими словами:

— Именем Президиума ЦИК Союза ССР привожу вас, молодые красноармейцы, к красной присяге. Прошу повторять за мной...

И площадь огласилась торжественной клятвой.

Сыны советского трудового народа, молодые бойцы, повторяли слова присяги в 1925 году вслед за выдающимся полководцем Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Шли годы. Мужали и крепли советские Вооруженные Силы. Росла мощная советская индустрия, менялся облик страны, а вместе с ней и облик московских парадов. Всё больше грозной первоклассной техники поступало на вооружение армии, и она, эта техника, заняла подобающее ей место в колоннах, маршировавших перед мавзолеем Ленина.

Ленин и Сталин — создатели советских Вооруженных Сил. Победоносное знамя Ленина — Сталина осеняет колонны доблестных советских воинов, проходящих через Красную площадь, мимо мавзолея. Много волнующих чувств охватывает солдат и сержантов, офицеров и генералов в те торжественные мгновения, когда твердой поступью шагают они по исторической площади.

Гул ликования и восторга прокатывается по Красной площади, когда на трибуну ленинского мавзолея поднимается великий вождь и учитель товарищ Сталин, гениальный полководец, с именем которого связаны все победы Советской Армии. Каждый солдат и командир, проходя торжественным маршем, как бы рапортует вождю о своих успехах в боевой и политической подготовке. Теплая, ободряющая сталинская улыбка вселяет новые силы, рождает непреклонное стремление к дальнейшему совершенствованию.

Незабываемо зрелище каждого из московских парадов. Во многих мне довелось участвовать. Но два из них навсегда останутся в памяти. Это парад на Красной площади 7 ноября 1941 года и парад Победы 24 июня 1945 года. Они проходили в разной обстановке: один — в дни грозной опасности, нависшей над страной, а второй — в ликующие дни победы над гитлеровской Германией.

...Гитлеровцы рвались к столице. Фашистское радио трубило на весь мир, что падение Москвы близко и 7 ноября фашисты устроят на Красной площади парад своих бандитских орд.

В те же ноябрьские дни 1941 года было дано указание о подготовке к параду советских войск на Красной площади. До праздника оставались считанные дни. Мы знали, что предстоит необычный парад. О нем объявили командирам соединений, частей, начальникам военно-учебных заведений. Были приняты необходимые меры безопасности, усилена противовоздушная оборона Москвы.

И вот настала ночь под 7 ноября. Ледяной коркой затянулись мостовые. Завывала метель. Еще затемно колонны участников парада с разных направлений начали стягиваться к Красной площади. Это были части, следовавшие на передовые позиции, расположенные близ самой столицы. Через Красную площадь пролегала дорога на фронт.

Солдаты шли, запушенные снегом. Но в их рядах чувствовался необычный подъем: шагали четко, строго соблюдая строй. Лица воинов были суровы, сосредоточенны.

Красная площадь. Стрелки курантов приближались к восьми. Из Кремля вышел товарищ Сталин в сопровождении своих соратников — руководителей партии и правительства. Громовое «ура!» долго неслось над площадью. Войска выражали свою горячую любовь, преданность вождю, готовность выполнить его боевой приказ.

Товарищ Сталин неторопливой походкой поднялся на трибуну ленинского мавзолея и занял свое обычное место, на котором мы привыкли его видеть всегда.

Ровно в 8 часов из Спасских ворот Кремля выехал принимающий парад маршал Советского Союза С. М. Буденный. Его встретил командующий парадом генерал-лейтенант П. А. Артемьев. После объезда С. М. Буденным войск к микрофону подошел товарищ Сталин.

Площадь замерла. Голос товарища Сталина прозвучал на весь мир: «...Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Эти заключительные сталинские слова глубоко проникали в сердца, воодушевляли, вселяли веру в победу.

Торжественный марш начала пехота. Она шла широким фронтом, побатальонно. Парад развертывался по намеченному плану. И вдруг на глазах у всех, кто находился на площади, произошел невиданный в практике парадов случай: два танка «КВ», замыкавшие танковую колонну, пройдя трибуну, неожиданно развернулись и умчались обратно, в направлении Исторического музея. В чем дело, недоумевали все. Позднее выяснилось: часть направлялась на фронт. Один из танков, еще не доходя Красной площади, задержался. Действуя, как в бою, он сообщил об этом по радио. Его сигнал приняли два танкиста, находившиеся на площади. Они поступили, согласно боевым правилам: бросились на помощь товарищу.

Прошло четыре года. На той же Красной площади у стен Кремля 24 июня 1945 года состоялся парад Победы. К родному и любимому отцу — товарищу Сталину — вернулись с фронта его сыны — воины-победители. Парад их был поистине величествен и грандиозен.

И каждый, кто был в тот июньский день на параде, кто наблюдал, как проходили мимо мавзолея колонны воинов с боевыми знаменами, пронесенными сквозь бури великих сражений, особенно остро ощущал: все наши победы в Великой Отечественной войне связаны с именем Генералиссимуса И. В. Сталина, под руководством которого создавались, росли и укреплялись наши Вооруженные Силы, под руководством которого советские воины отстояли свободу и независимость социалистической Родины.

...Настали послевоенные годы. Страна вернулась к мирному, созидательному труду. И, как прежде, два раза в год Красная площадь оглашается мерной поступью пехоты, шуршанием колес артиллерийских орудий, лязгом гусениц мощных танков, рокотом авиационных моторов. Торжественно гремят орудийные залпы, когда огромный сводный оркестр исполняет Государственный Гимн СССР.

Советская Армия зорко стоит на страже мира, бдительно охраняет мирный труд советских людей, строителей коммунизма.

Первомайский парад нынешнего года еще раз продемонстрирует перед всем миром высокую организованность советских воинов, их отличную боевую выучку, готовность защитить мир во всем мире, их глубокую преданность великому знаменосцу мира Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Дом в Зарядье.

В столице нашей Родины Москве, реконструируемой по сталинскому плану, идет огромное строительство. Нет ни одного города в мире, где бы одновременно возводилось и проектировалось столько зданий, жилых и общественных. 735 тысяч квадратных метров жилой площади, 24 школы, 58 детских садов и яслей, 4 станции метрополитена сданы в минувшем году.

Программа нынешнего года включает: 750 тысяч квадратных метров жилой площади; 27 школ; 65 детских садов и яслей; окончание строительства Большого кольца метро.

Вслед за высотным зданием на Котельнической набережной в 1952 году распахнутся двери белокаменных домов-великанов на Смоленской площади и у Красных ворот. Студенты шести факультетов Московского университета имени М. В. Ломоносова начнут новый учебный год в грандиозном Дворце науки на Ленинских горах. Вступит в завершающий этап сооружение двух громадных гостиниц — на Комсомольской площади и Дорогомиловской набережной, — высотного жилого дома на площади Восстания. И, наконец, устремится вверх 37-этажное административное здание в Зарядье.

Партия и правительство указали зодчим столицы путь комплексной застройки целых улиц, площадей, набережных. Это будут ансамбли, достойные прославить в веках великую сталинскую эпоху. Комплексная застройка позволит в широких масштабах осуществлять индустриализацию строительства.

В Москве создано 13 магистральных мастерских, руководимых виднейшими архитекторами. В работах по проектированию улиц участвует и коллектив школы-мастерской И. В. Жолтовского. В этой мастерской проектируется архитектурный ансамбль центра столицы, включая площади Революции, Свердлова, Дзержинского, Ногина. Мастерская А. В. Власова главное свое внимание сосредоточила на застройке юго-западного района Москвы, Воробьевского и Калужского шоссе. Улицами Герцена, Качалова, Красной Пресней, площадями Восстания и Арбатской занимается мастерская М. В. Посохина. Творческий коллектив, возглавляемый К. С. Алабяном, проектирует здания, которые украсят Ленинградское и Волоколамское шоссе, Новопесчаную улицу и Октябрьское поле.

Рождаются интересные проекты широких магистралей, зеленых скверов, замечательных домов. В одной мастерской можно увидеть предварительные эскизы будущей Советской площади, в другой — Комсомольскую площадь.

Целая армия строителей — ее численность не уступит населению иного областного центра — претворяет в жизнь замыслы зодчих и инженеров.

Свыше пятисот строительных площадок насчитывается сегодня в столице. Завтра их будет еще больше. Невиданная цифра! Но и она не дает полного представления о гигантских масштабах реконструкции города. Ведь на некоторых площадках возводятся три, пять и даже десять корпусов.

Руководители мастерских, конструкторы и проектировщики рассказали корреспонденту «Огонька» о некоторых стройках 1952 года, об отдельных деталях сталинской программы преобразования столицы.

Высотное здание в Зарядье

И. М. ТИГРАНОВ,
главный конструктор здания

В дни празднования 800-летия Москвы в столице по инициативе товарища И. В. Сталина было заложено восемь высотных зданий. Некоторые из них совершенно готовы, другие строятся полным ходом. В 1952 году начнет расти административное здание в Зарядье.

Дом в Зарядье будет самым высоким в Москве: тридцать семь этажей, а над ними башня с шатром и государственной эмблемой. Башня по высоте немногим меньше всего здания, воздвигнутого у Красных ворот. 275 метров — таково расстояние от основания дома до высшей его точки.

По объему (1 250 тысяч кубических метров) наш дом — второй в Москве, после университета на Ленинских горах. В нем запланировано 2 тысячи рабочих комнат площадью в 72 тысячи квадратных метров, не считая сберкассы, почты, телеграфа, поликлиники, типографии, библиотеки-читальни. Зал собраний сможет вместить 1 300—1 500 зрителей, два конференц-зала — по 350 человек.

Административное здание в Зарядье придаст новый облик центру города. Легкой и стройной встанет светлая громада, как бы перекликаясь с «соседом» на Котельнической набережной.

Внешний вид дома-гиганта должен соответствовать его «росту» и назначению. Его отделают большемерными керамическими плитами, белым литым камнем, известняком, гранитом. В солнечный день здание можно будет увидеть за много километров от Москвы.

Строительство дома полностью закончится к 1954 году.

Ансамбль на Москве-реке

И. В. ЖОЛТОВСКИЙ,
действительный член Академии архитектуры СССР

Идущий по Крымскому мосту видит сейчас лишь обнесенную забором площадку и частично выложенные первые этажи. Но уже скоро на этой территории закипит напряженная работа строителей.

Здесь соорудят одно из крупнейших зданий новой Москвы — корпус Отделения геолого-географических наук Академии наук СССР.

Коллектив архитекторов Академпроекта (Ю. Шевердяев, Ш. Айрапетов, Э. Гаджинская и инженер Б. Вилков) стремился создать проект такого здания, которое отвечало бы самым взыскательным требованиям ученых как по внутренним удобствам и технической оснащенности, так и по внешней архитектуре.

В здании разместятся семь крупных научно-исследовательских институтов Академии наук, музей

Дом на 1 500 квартир по Ярославскому шоссе.

минералогии, большой зал научных конференций, обширная библиотека, столовая. К услугам ученых здесь будет свыше 1 200 кабинетов, служебных помещений и лабораторий, оборудованных самой совершенной техникой.

Авторы проекта уделили много внимания и архитектуре всего квартала. Здание Отделения геолого-географических наук явится частью общего архитектурного ансамбля. По набережной его протяженность составит почти километр.

Гигантские масштабы нашего строительства, плановая природа социалистического государства являются замечательными условиями для создания архитектурных ансамблей, полных красоты и величия.

Но что такое архитектурный ансамбль?

Это ведь не механическое скопление зданий в одном месте. Ансамбль является самой высокой ступенью художественной композиции, когда в конкретных условиях природы и времени архитектор создает комплекс, где все объединено одной художественной идеей, где все полно движения, подчиненного главному, организующему началу.

Разрешение такой задачи и просто и необычайно сложно. Чтобы сделать прекрасное, мы должны обратиться к классике и, в частности, к нашей русской классике, к таким шедеврам ансамблевой застройки, каким является наш Кремль. Но обратиться не для того, чтобы копировать, а для того, чтобы проникнуть в те законы, на основе которых древнерусские зодчие могли создать неувядаемую красоту.

1 500 квартир

Архитектор И. И. ЛОВЕЙКО

Угол Ярославского шоссе и Мало-Московской улицы. На территории около 6 гектаров, которую раньше занимали деревянные дома, начато строительство громадного жилого массива. Чтобы дать представление о его размерах, приведем несколько цифр: высота зданий — 10—14 этажей, объем — 600 тысяч кубических метров, жилая площадь — 62 тысячи квадратных метров. Здесь будет 1 500 квартир. Это самый большой из возводимых сейчас в столице жилых кварталов.

Первые этажи отводятся под магазины и коммунально-бытовые предприятия. Не покидая своего дома, жители смогут воспользоваться услугами почты и сберкассы. Здесь же библиотека, кафе, закусочная, парикмахерская, два ателье, магазин готового платья, сапожная мастерская, мясной, рыбный, овощной магазины.

Мы приложим все усилия к тому, чтобы создать для жителей максимальные удобства. В квартирах два входа: парадный ведет на улицу, хозяйственный — во двор. Круглые сутки будет подаваться горячая вода от собственной центральной котельной. Владельцы индивидуальных машин получат благоустроенный гараж. На озелененных дворах запроектированы спортивные площадки с теннисными кортами. Устраиваются хорошо оборудованные ясли и детские сады.

И еще одна деталь: начиная с восьмого этажа балконы не выступают наружу, а спрятаны в лоджиях.

На противоположной стороне шоссе по тому же проекту строятся два корпуса на 560 квартир. В нижнем этаже одного из них откроется кинотеатр.

Главная улица Сталинского района

Н. Я. КОЛЛИ,
действительный член Академии архитектуры СССР

Сталинский район неузнаваемо преобразился за годы пятилеток. Бывшая глухая окраина стала средоточием мощных предприятий, известных всей стране вузов. Тут построено много больших благоустроенных домов для трудящихся.

В нынешнем году здесь начинается застройка будущей главной магистрали района — Щербаковской улицы,— которая тянется от Семеновской площади к Окружной железной дороге и дальше, к Измайловскому парку культуры и отдыха. В течение ближайших лет тут произойдут большие перемены.

По обеим сторонам поднимутся нарядные здания в 10—12—14 этажей с открытыми озелененными дворами. Несколько проектов уже утверждено и передано строителям. То, что изображено на ватмане, мы воплотим в гранит, бетон и кирпич. Скоро Щербаковская магистраль станет улицей-новостройкой, улицей единого архитектурного стиля. Нынешним летом на ней начнут одновременно сооружать десять жилых домов общей площадью 110 тысяч квадратных метров. В дальнейшем улица украсится несколькими большими общественными зданиями, в том числе одним из самых вместительных в Москве универмагов.

Комбинат архитектурных проектов

Архитекторы В. А. БУТУЗОВ, М. Н. ХАЖАКЯН

Архитектурные мастерские разбросаны по городу. В них порой бывает тесно и неудобно. Задачи, поставленные партией и правительством в области реконструкции Москвы, требуют новой организации труда проектировщиков.

На 1-й Брестской улице скоростными методами сооружается семиэтажный дом, куда переселятся все магистральные мастерские. В нынешнем году его сдадут в эксплуатацию.

Каждая мастерская получит два просторных, высоких, озелененных зала, где рука об руку смогут работать все специалисты комплексного проектирования.

В залах 1 400 рабочих мест. Заказываются столы с выдвижными тумбами, механизированными рейсшинами, лампами особой конструкции, освещающими любую точку чертежа. У каждого стола кресло с подъемным и вращающимся сиденьем. Передвижной мебели в мастерских не встретишь. Шкафы, телефонные будки, вешалки встраиваются в стены.

Громадные окна дадут обильный естественный свет. Для защиты от прямых лучей солнца устраиваются металлические экраны, пропускающие лишь отраженный свет.

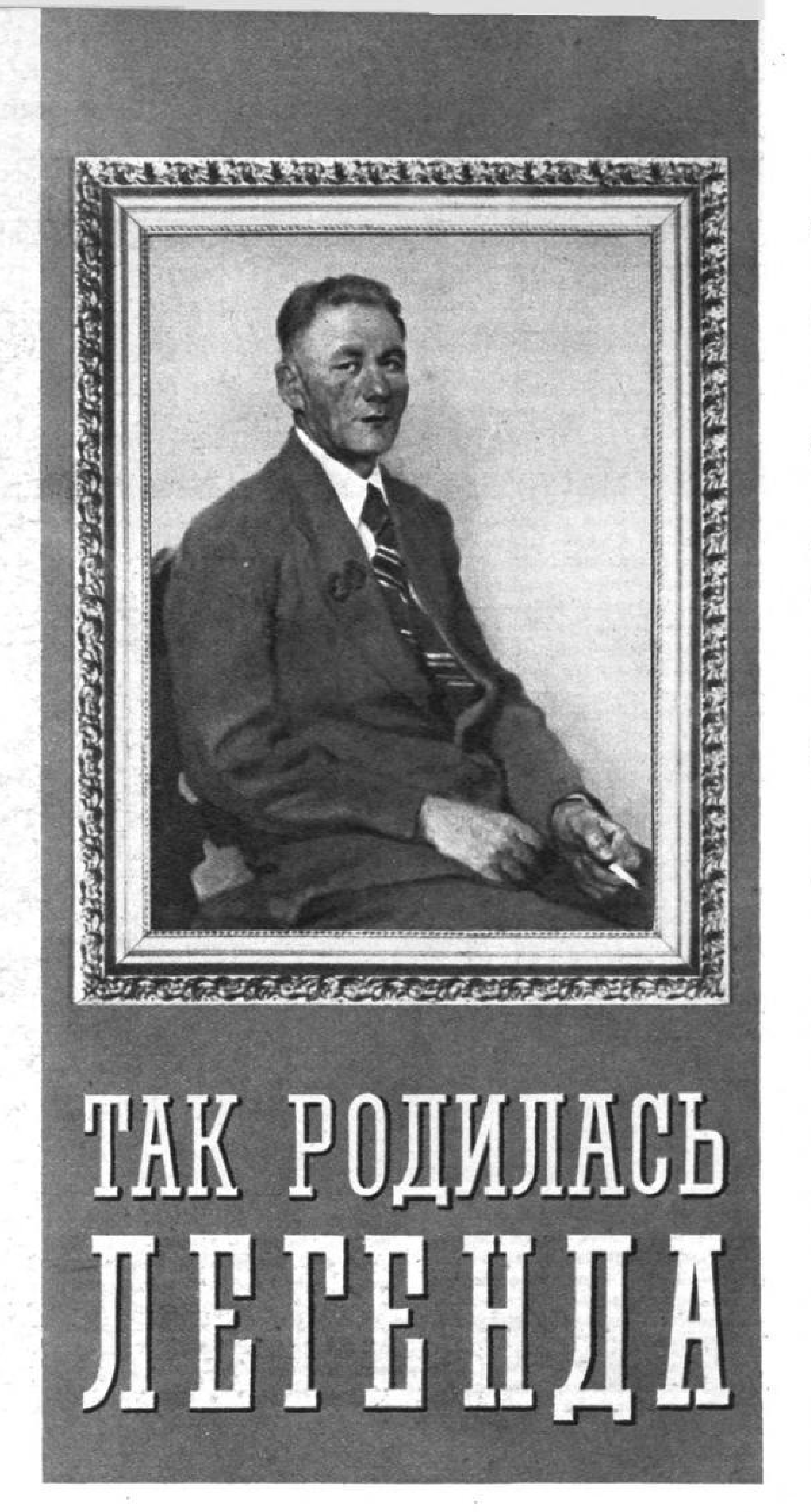
Забота о культуре труда советского архитектора в центре внимания авторов проекта здания на Брестской.

Большие стенды дадут возможность рисовать в натуральную величину наиболее ответственные архитектурные детали. Оригинальный разборный стол позволит делать макеты магистралей длиной до 6 метров.

В доме на Брестской будут работать лучшие московские архитекторы. Территориальная близость мастерских благотворно повлияет и на развитие творческого содружества зодчих. Создаются просторные залы для показа и обсуждения новинок архитектуры и строительства.

Жилой дом на Щербаковской улице.

ТАК РОДИЛАСЬ ЛЕГЕНДА

Федор КРАВЧЕНКО

Еще в Москве мне рассказали любопытную «легенду».

Один ленинградский художник решил написать картину «Сталевар». Пришел он в мартеновский цех Кировского завода:

— Помогите мне найти типаж, я буду писать картину.

Показали ему одного рабочего, он посмотрел на него и говорит:

— Может быть, это лучший стахановец, но для задуманной мною картины он не подходит.

Познакомили художника с другим рабочим, а он опять твердит:

— Это для меня не подходит!

Как вдруг увидел художник человека, который ему сразу понравился. Был это Максим Мурзич — сталевар. Но о нем художнику якобы сказали в цехе:

— Это не передовой рабочий, не стоит писать с него картину.

Загоревал художник. Как быть? Хочется ему написать картину именно с этого человека — с сорокалетнего великана, у которого такое умное, запоминающееся лицо и сильные, рабочие руки. Позвал художник сталевара в гости и говорит ему:

— Хочу с вас картину писать, да ходит слух, что вы не стахановец.

Рассердился сталевар да как гаркнет:

— Так я буду стахановцем!

Начал художник картину писать, а сталевар как засучил рукава, как развернулся... Теперь во всех газетах пишут о нем. Новатором называют, труд его прославляют. Ну, и художник не оплошал: написал он портрет сталевара, и выставили тот портрет на самом видном месте в Русском музее. Теперь ленинградцы будто бы всем показывают его:

— Это Максим Мурзич, тот самый, которого художник Орешников знатным стахановцем сделал...

Художник Орешников? Да ведь это известный мастер живописи, лауреат Сталинской премии, профессор, член-корреспондент Всероссийской академии художеств...

Я заглянул в путеводитель по Русскому музею и прочел следующее: «В экспозиции представлен портрет знатного сталевара-стахановца Кировского завода М. К. Мурзича, написанный в 1950 году В. М. Орешниковым».

Мне очень захотелось посмотреть портрет, познакомиться с художником и с героем его произведения.

Был яркий солнечный день, когда я вышел из вагона и, выбравшись из толпы пассажиров, попал на Невский проспект.

Все сверкало: знаменитая адмиралтейская игла, стекла витрин, металлические детали автобусов и троллейбусов... Мирный город, в котором уже исчезли следы войны, невольно возбуждает ощущение его легендарности.

Это отсюда, из города славных революционных традиций, из города технического прогресса, по всему Советскому Союзу распространилась идея содружества рабочих и ученых. Теперь в такое содружество с рабочими вступили и люди искусства. Не удивительно, что дружба сталевара и художника породила легенду...

С Невского я свернул направо, к Русскому музею. Миновал ограду из черных пик с золочеными наконечниками. Белая колоннада мягко выделялась на фоне желтых стен. Гранитные львы как бы сторожили вход в музей.

В большом, светлом зале сразу же привлек мое внимание портрет Мурзича, тот самый, который написал профессор Орешников.

Я увидел человека с худощавым, энергичным лицом. Яркие голубые глаза смотрели на меня независимо; руки у него рабочие, сильные. В левой небрежно зажата папироса. Мурзич отдыхает. О чем он сейчас думает? О мартене? О новых методах скоростной плавки? О чем-то, во всяком случае, очень значительном.

Ученый секретарь музея — приветливая женщина с молодым лицом и совершенно седыми волосами — выслушала меня с улыбкой.

— Легенда? Это,— по меньшей мере, недоразумение. Портрет сталевара Орешников написал, когда Максим Кузьмич Мурзич уже славился своими скоростными плавками.

— Но, может быть, все-таки... произошло что-нибудь такое... легендарное?

...Следует поговорить и с художником и с его героем.

Когда я познакомился наконец с художником Виктором Михайловичем Орешниковым, он охотно рассказал мне о своей работе над портретом, о первой своей встрече с Мурзичем и о том, как он впервые увидел его на картине молодого художника Тимофея Шевченко в мастерской Академии художеств. Уже и тогда Мурзич был известным сталеваром.

Он пришел в мастерскую к Орешникову в летнем сером костюме... Художник подумал: «Разве обязательно писать портрет сталевара у мартена?» И он решил писать его без всяких производственных аксессуаров.

Сталевар приходил в мастерскую художника и, позируя, рассказывал о том, как он «соображал», добиваясь ускорения плавки и повышения качества стали. Художник видел перед собой интересного человека, новатора. Не прибегая ни к каким эффектам, он старался раскрыть главное: его характер, его духовный мир. И ему это удалось. Зритель увидел рабочего нового типа.

Я рассказал о легенде Орешникову.

— Позвольте! — закричал Виктор Михайлович.— Здесь не все сказка. Ведь это же та самая история, которую мне рассказывал художник Левенков...

— Ле-вен-ков?

— Да. Есть у нас в Академии художеств такой художник. Он бывший фронтовик. Коммунист. Свыше ста портретов фронтовиков написал гвардии лейтенант Семен Левенков, когда война вынудила его покинуть стены академии и взяться за оружие. Он вел агитационную работу среди первых гвардейцев Ленинградского фронта, создав «галерею героев». Он показал, как можно «воевать искусством». А дипломная работа его была посвящена мирному труду. Он написал картину «М. И. Калинин среди рабочих». На первом плане вы можете увидеть Максима Кузьмича Мурзича. Левенков действительно искал на Кировском заводе типаж. И, кажется, ему в самом деле не советовали писать Мурзича.

...Легенда, как потом оказалось, имела жизненную основу. Основу сложную и глубокую. И до нее нелегко было докопаться. Она касалась больших человеческих переживаний, тонкого проявления дружбы, возникшей между рабочим и художником.

Завязалась эта дружба тогда еще, когда Левенков впервые заговорил с Максимом Кузьмичом на ступенях железной лестницы. Он долго любовался в цехе его фигурой и терпеливо дожидался конца смены, чтобы с ним познакомиться.

Мурзич долго не соглашался позировать:

— Зачем меня рисовать? Лучше нарисуйте Семенова. Он у нас знатный человек.

Молодой художник горячо заговорил о своей дипломной работе, в которой он решил отобразить очень важное событие: Михаил Иванович Калинин на том самом заводе, где он работал в молодости.

Мурзичу понравился творческий замысел художника, и он обещал ему помогать.

Несколько раз он позировал, но потом вдруг исчез.

Левенков начал его разыскивать. На заводе ему сказали, что у Максима Кузьмича огромное горе: умерла жена. Горе придавило его. Он и работать стал не так, как прежде.

Через некоторое время Мурзич пришел в художественную мастерскую вместе с сынишкой.

Его вид взволновал и встревожил художника.

Хмурый взгляд, понуро опущенные плечи... Не таким должен стоять рабочий в центре картины...

Оба фронтовики, они долго говорили в тот вечер. Вернее, говорил Левенков, Мурзич больше молчал: он много и тяжело думал. А перед прощаньем твердо сказал:

— Ладно. Покажем, на что способны гвардейцы в мирной жизни!

И сеансы возобновились.

Вскоре в «Ленинградской правде» Левенков прочитал статью о

большом успехе сталевара Мурзича, о его скоростных плавках.

Радуясь за своего «натурщика», Левенков принес газету в живописную мастерскую. Ему казалось, что Мурзич сразу же заговорит об успехе, но тот молчал. Переодевшись, Мурзич начал позировать. Три часа он молча стоял перед мольбертом, и художник не выдержал, показал другу газету.

— Это — только начало... Первые опыты,— сдержанно сказал сталевар.— Раз уж ты решил нарисовать меня рядом с товарищем Калининым, постараюсь оправдать это.

И еще раз исчезал сталевар. И опять художник его разыскивал. Узнал на заводе, что сорвался у Мурзича один опыт. «Угробил» плавку. Три тонны металла сжег.

Но художник, который уже близко узнал сталевара, верил в него. Знал, что он добьется успеха. Говорил в цехе, что надо ему по-настоящему помочь. А сам упорно работал над картиной.

И какую радость испытал художник, узнав, что Мурзич действительно добился большого успеха!

Левенков, несомненно, очень помог Мурзичу в самые тяжелые минуты жизни, хотя и не мог знать всего, что происходило на заводе, всего, что пережил его друг за столько лет труда, поисков, тревог и открытий.

Мысли о скоростных плавках были у Мурзича еще и до войны. А с сорок пятого, когда он вернулся на завод, скоростные плавки стали главным его стремлением, главной его заботой.

Максим Мурзич не стремился к славе; она сама пришла к нему, когда его упорный труд увенчался успехом.

Впервые я увидел его во время завалки шихты. Оказалось, что он вовсе не великан. Среднего роста, с потным, опаленным лицом... Но вскоре я понял, почему именно Мурзич привлек внимание живописцев. В глазах, в движениях, во всем облике этого человека чувствуется новый, советский рабочий. Сейчас он был в спецодежде, руки в грубых рукавицах теряли свою форму. Но это был тот самый человек, портрет которого выставлен в Русском музее.

Став известным сталеваром-скоростником, Мурзич никак не мог успокоиться. Осенью 1948 года он вместе с инженером Каминским поехал в Москву, на завод «Серп и молот». Хотелось обменяться опытом. И, увидев там новое, он немедленно использовал в своей работе приемы других сталеваров. Это было новым толчком в его постоянном стремлении вперед.

В прошлом году правительство наградило его орденом Трудового Красного Знамени. О нем знают далеко за пределами Ленинграда. Максим Мурзич — член Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В газетах мелькают заметки: «Сталевар Мурзич читал лекцию во Дворце культуры...», «В красный уголок одного из цехов собралось на лекцию свыше ста студентов. Ее читал не профессор, а один из лучших сталеваров, Максим Мурзич. Тема лекции—«Скоростные плавки».

Спокойным движением открывает сталевар крышку пылающей мартеновской печи. В окно солнечной яркости входит хобот завалочной машины, вталкивающий в печь тяжелый челн с металлом. Затем кран поворачивается к стеллажам, где ожидают своей очереди другие челны — мульды, наполненные металлическим ломом.

А вот Мурзич, защищая глаза синим стеклом, с двумя другими сталеварами спокойно и ритмично орудует скребком, удаляя шлак.

Крышка опять закрыта. Сталевар заглядывает в смотровое окно, затем — на одну минутку — усаживается на скамью, чтобы немного отдохнуть.

Сверкая яркими брызгами, льется готовая сталь в ковш, ее разливают в изложницы. Там, внизу, остывает она, и вот вынимают увесистые болванки. Это сталь, сваренная мастером скоростных плавок Максимом Мурзичем.

С помощью Мурзича выросла целая плеяда молодых сталеваров: Михаил Алексеев, комсомольцы Алексей Желтобрюхов и Павел Теняев.

Когда я заговорил о «легенде», Максим Кузьмич так же, как и художник Орешников, весело рассмеялся. Но он сказал о другом:

— Это я-то великан? Какой же я великан? Сами видите: обыкновенный человек. Тут и не нужно быть великаном. Тут, главное, соображать надо.

Забавная легенда привела меня к чудесной были.

Ленинград. 1952 год.

Сталевар приходит в мастерскую художника. На снимке: М. К. Мурзич и художники В. М. Орешников и Т. Т. Шевченко.

Фото И. Фетисова

Вот он в цехе, этот знатный сталевар. Рядом с ним его сменщик стахановец М. И. Поляков.

НА ПОЛЕ ФЕРЕНТАРЬ...

Константин МИТЯ,

специальный корреспондент румынской газеты «Скынтейя»

В день 1 Мая, когда природа полна радости обновления, трудящиеся Бухареста гордо проходят перед руководителями партии и правительства Румынской Народной Республики. Они проносят целый лес алых знамен — свидетельство своих побед, одержанных в борьбе за осуществление народной мечты. В этот великий день международной солидарности всех трудящихся люди нашей свободной родины исполнены радости и поздравляют друг друга.

Но еще 8—10 лет назад совсем по-иному праздновали в Румынии 1 Мая. Тогда были трудные времена: проклятый фашизм давил народ, партия находилась в глубоком подполье, а многие из ее руководителей подвергались жестоким истязаниям в тюрьмах и застенках сигуранцы.

* * *

...С рассветом город был наводнен военными патрулями, вооруженными до зубов. В рабочих районах, на улицах, пролегающих близ больших бухарестских заводов, рыскали своры полицейских; они заставляли людей стирать со стен лозунги, написанные ночью коммунистами и членами союза коммунистической молодежи. Так начался день 1 Мая 1930 года.

В том году партия начала готовиться к первомайской демонстрации с первых же дней апреля. Свежеотпечатанные листовки передавались тайком из рук в руки. Они звали массы к борьбе с реакционным правительством, которое по указке англо-франко-американских империалистов пыталось переложить всю тяжесть экономического кризиса на плечи народа. Несмотря на репрессии и террор, несмотря на происки правых социал-демократов, пытавшихся придать празднованию 1 Мая мирный, «легальный» характер, коммунисты неустанно проводили на предприятиях летучие собрания, готовясь по-боевому встретить праздник трудящихся.

«Приостановить снижение и без того нищенской заработной платы, оказать помощь безработным, вести мирную и дружелюбную политику по отношению к Советскому Союзу!» — вот какие лозунги выдвинул Центральный комитет партии в тот памятный Первомай.

Первомайский митинг должен был состояться на поле Ферентарь, откуда колонны демонстрантов собирались двинуться к центру города... На Ферентарском поле свежий утренний ветерок развевал огромное красное знамя. Это знамя — символ побед пролетариата — охраняли рабочие и работницы железнодорожных мастерских, заводов «Малакса» (ныне Завод имени 23 августа) и «Леметр» (которому теперь присвоено имя Матиаса Ракоши), трамвайного общества и других предприятий Бухареста. Тысячи людей пели «Интернационал». На импровизированную трибуну один за другим начали подниматься коммунисты. Затаив дыхание, в глубоком волнении слушали демонстранты слово партии. Да, это было слово партии. Партия говорила правду о строительстве социализма в Советском Союзе, призывая массы к единству, к решительной борьбе за жизненные права и интересы трудящихся.

Мерный топот возвестил о прибытии солдат. Из подъехавших машин выпрыгнули жандармские офицеры. С хлыстами в руках они пытались пробиться сквозь живую стену демонстрантов к выступающим. Однако рабочие не испугались. Они лишь теснее сомкнули свои ряды. Митинг закончился, и — с красным знаменем во главе колонны — вся масса демонстрантов двинулась к центру города. Но как только первые ряды рабочих вступили на улицы города, начались столкновения с войсками. Солдаты со штыками наперевес пытались задержать продвижение демонстрантов.

— Бейте прикладами, колите штыками! — приказывали офицеры.

— Мы такие же рабочие, как и вы! — кричали рабочие солдатам.

Колонна медленно продвигалась вперед. Но вот загремело дружное ура — демонстранты прорвали цепь солдат и быстро двинулись к центру города. Не выходя из колонны, рабочие перевязывают друг другу раны, полученные в стычках с войсками.

Впереди участников демонстрации ожидало новое испытание: взводы солдат, которые до тех пор прятались по дворам, напали на демонстрантов с фланга. Все же группе в 400—500 человек удалось прорваться и сквозь эти кордоны и пройти дальше. Но большая часть колонны осталась на месте, остановленная штыками. Кто-то вынул большое красное полотнище, прикрепил его к древку. И вот, к величайшему изумлению солдат, колонна демонстрантов круто повернулась и вслед за знаменосцем направилась в боковой переулок. Этого не предвидели полицейские офицеры.

— Остановить! Остановить колонну! — неистово кричали они.

Несколько групп рабочих попали в окружение полицейских и солдат, и снова началась схватка. Какой-то полковник пытался загнать арестованных рабочих во двор богатого особняка.

— Долой террор! Долой побои в армии! — восклицают рабочие.

Охваченный бешенством, полковник хлыстом бьет не только демонстрантов, но и солдат: ему кажется, что они действуют нерешительно.

Рабочие смелым натиском прорывают окружение и бегут за колонной, которая с песней продолжает шествие.

Издалека один за другим доносятся возгласы демонстрантов:

— Да здравствует коммунистическая партия!
— Да здравствует Советский Союз!
— Да здравствует товарищ Сталин!

* * *

Проклятые оковы буржуазно-помещичьего гнета сброшены. 23 августа 1944 года доблестные советские войска освободили Румынию от тяжелого ига фашизма и создали необходимые условия для того, чтобы трудящиеся нашей страны стали хозяевами своей судьбы. В умелых руках освобожденного народа, руководимого партией рабочего класса, страна возродилась, из года в год меняется ее облик: она становится все прекраснее. Трудящиеся Румынии пожинают ныне плоды своей борьбы.

Сейчас на Ферентарском поле, там, где при фашизме, рискуя жизнью, рабочие собирались в день 1 Мая, выстроен целый район жилых домов с просторными, светлыми и благоустроенными квартирами. В этих домах живут теперь рабочие заводов «Вулкан», «Стяуа рошие» и других фабрик и заводов, расположенных в этой части Бухареста.

В одной из квартир жилого дома для рабочих в районе Ферентарь поселилась семья стахановца завода «Вулкан» Аристиде Эконому. Об Аристиде Эконому с уважением и восторгом говорят все его товарищи по заводу. В праздничные дни на груди Аристиде Эконому сверкает орден Труда — высокая награда партии и правительства за его патриотический труд. Аристиде Эконому работает по методу советских стахановцев Быкова и Борткевича. В буржуазной Румынии токарь Аристиде Эконому вел совсем иную жизнь. Первое мая 1930 года застало его голодным и безработным. Несколько месяцев тщетно обивал он пороги фабрик в поисках работы. Помнится, в тот первомайский день он вышел на улицу, увидел колонны рабочих и присоединился к ним. И тотчас Аристиде Эконому почувствовал себя сильнее, чем когда-либо раньше. Теперь он был не одинок. Он присоединился к колонне и вместе с тысячами рабочих требовал хлеба и свободы. В последовавшие затем годы, работая на заводе «Вулкан», Аристиде Эконому каждый раз праздновал 1 Мая с рабочим коллективом, хотя фашистский террор становился все более жестоким. Токарь Аристиде всегда с надеждой встречал этот прекрасный весенний день, в который он, честный рабочий человек, чувствовал себя ближе, чем когда-либо, к партии, чувствовал ее помощь.

После освобождения Румынии советскими войсками Аристиде Эконому был принят в ряды партии. В обстановке всеобщего подъема он упорно трудился, перекрывая нормы изо дня в день, увеличивая свой заработок. Теперь он ежемесячно приносит домой около 1 400 — 1 500 лей, а это равняется прежнему его заработку за несколько месяцев!

У стахановца Аристиде Эконому пятеро детей. Перед этой семьей, как и перед всеми трудящимися нашей свободной страны, открыты светлые перспективы. В прошлом году на грандиозной первомайской демонстрации рабочие завода «Вулкан» пронесли портрет стахановца Аристиде Эконому.

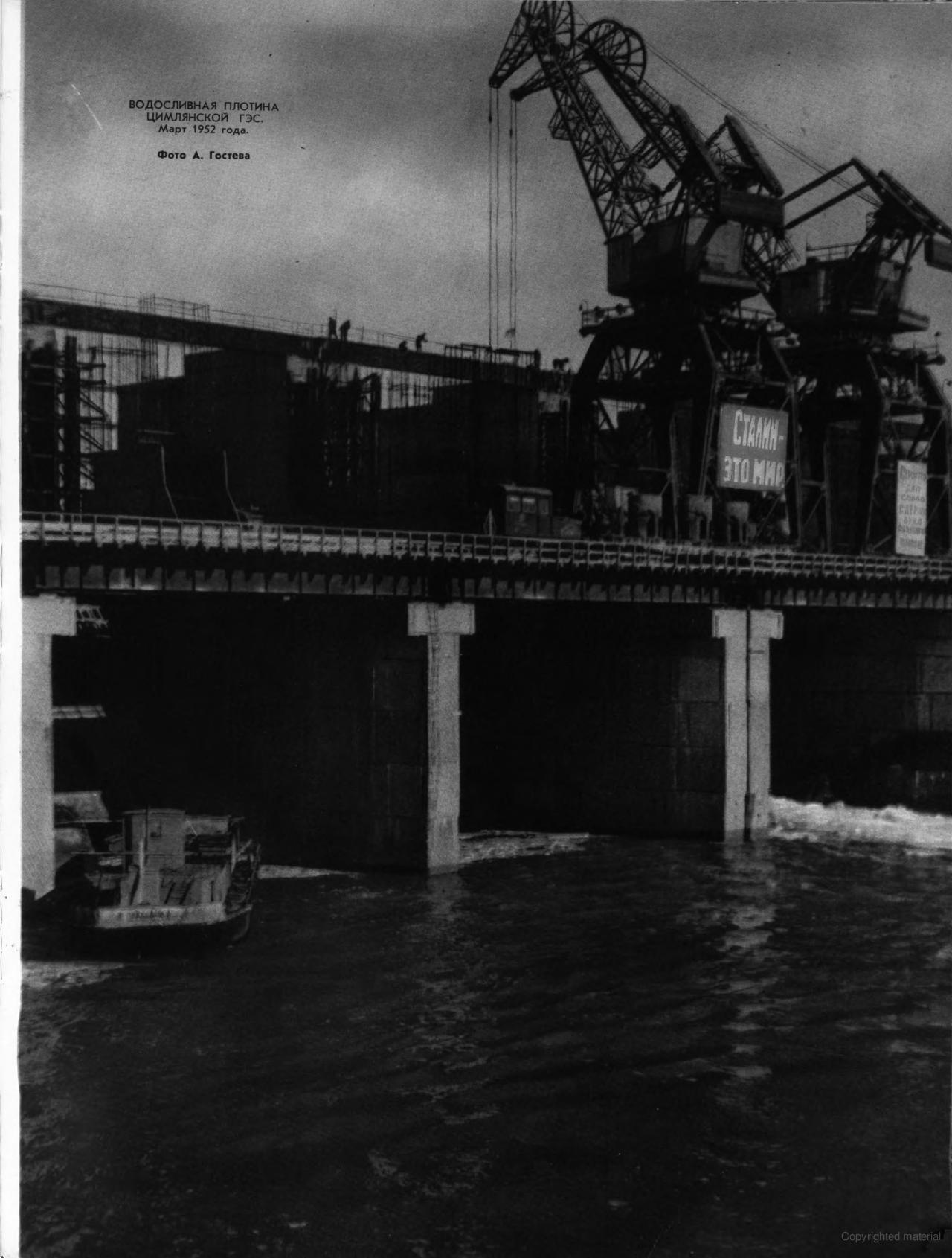
Да, за такую жизнь, которая расцветает теперь в нашей стране, боролись трудящиеся Румынии под руководством партии в годы жестокого террора.

Трудящиеся Румынии с помощью своего великого друга и брата — советского народа — одерживают новые победы в деле строительства социализма. Нашу страну, наш народ вдохновляют благородный пример Советского Союза, великий вождь трудящихся всего мира товарищ Сталин.

Бухарест, апрель 1952 года.

В дни всенародных праздников многотысячные колонны свободных тружеников Бухареста проходят по площади имени Генералиссимуса Сталина. (Снимок сделан 23 августа 1951 года.)

ВОДОСЛИВНАЯ ПЛОТИНА
ЦИМЛЯНСКОЙ ГЭС.
Март 1952 года.

Фото А. Гостева

Ши Гуан. НОВЫЙ УРОЖАЙ. (В ОКРЕСТНОСТЯХ ПЕКИНА)

Рисунки китайских художников.

У Дэ-цзу. «УЧИТЬСЯ У СТАРШИХ БРАТЬЕВ — РАБОЧИХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Десять лет спустя

«Советский народ превратил праздник 1 Мая в день труда и борьбы» — так была озаглавлена одна из страниц газеты «Правда» 2 мая 1942 года.

В этом, как и в последующих номерах, «Правда» рассказывала о героическом труде советских людей, которые ознаменовали 1 Мая выдающимися производственными успехами.

С Уралмаша сообщали о рекордном съеме стали. Страна узнала о том, что на Ленинградском заводе имени К. Маркса женщины освоили профессию литейщиков. Проходчики Тагильской марганцевой шахты рапортовали: 1 Мая задание выполнено на 1 045 процентов. Двести норм за одну смену выработал хабаровский слесарь Илья Щеглов. На московском заводе «Серп и молот» пустили еще одну мартеновскую печь. На печи № 3 сталевар Николай Чесноков — ныне он лауреат Сталинской премии — осваивал новую марку стали.

Из Сталинска и Тулы, из Куйбышева и Баку, из колхозных сел Орловщины — отовсюду в те суровые военные дни шли в «Правду» сообщения о трудовых подвигах патриотов нашей Родины, работавших под лозунгом: «Все для фронта!»

СОВЕТСКИЙ НАРОД ПРЕВРАТИЛ ПРАЗДНИК 1 МАЯ В ДЕНЬ ТРУДА И БОРЬБЫ

Приказ товарища Сталина воодушевляет на новые подвиги

ВЕТЕР МАЯ

Первомайский день на предприятиях столицы

1 Мая «Правда» опубликовала письмо партизан Калининского фронта товарищу Сталину. «Там, где тянулись красивые благоустроенные улицы, — вороны кружатся теперь над развалинами пустых домов. Там, где стояли цветущие колхозы, — голодные собаки бродят сейчас вокруг груд головней и угля», — писали народные мстители. И они клялись, не щадя жизни своей, бороться за освобождение родной земли.

Миновало десять лет. Мы решили пойти по следам первомайских номеров «Правды» 1942 года. Публикуемые ниже материалы показывают, что делают сейчас люди, о которых писала тогда газета, что происходит в колхозах, возрожденных к жизни, чем занимаются партизаны, доблестно выполнявшие свой долг перед Родиной.

Весна на Урале

«Теплый вешний ветер гуляет по Уралу... В верховьях вскрылись реки... Сияет солнце над обширными колхозными полями... На площадях уральских городов идут ученья будущих бойцов, готовятся... резервы Красной Армии... Денно и нощно неугасимым пламенем пылают уральские мартены, денно и нощно идет великолепная уральская сталь, которая надежной броней одевает советские танки...»

Так рассказывала об уральской весне писательница Анна Караваева десять лет назад в первомайском номере «Правды».

Миллионы читателей «Правды» в тылу и на фронте узнали тогда о замечательных трудовых подвигах уральских сталеваров Нуруллы Базетова с Верх-Исетского завода, Ибрагима Валеева и Дмитрия Сидоровского с Уралмаша. Встречая Первомай грозного 1942 года, они выступили зачинателями социалистического соревнования за высокие съемы стали с квадратного метра пода мартеновской печи, за выпуск сверхпланового металла для фронта, для победы.

Первенство в предмайском соревновании держал тогда Дмитрий Сидоровский; он добился рекордного съема стали — 16,3 тонны! Но выиграли соревнование все его участники. На фронте с каждым днем все сильнее гремел уральский металл, и сталевары по праву гордились тем, что в каждой пуле, разившей врага, в каждом снаряде, разбивавшем фашистский танк, самолет, пушку, была частица и их труда.

На днях мы побывали в городке Уралмашзавода. Дмитрия Дементьевича Сидоровского на старой квартире не оказалось. С помощью одного из малышей, гонявших футбольный мяч, мы разыскали сталевара в новом доме № 3 по улице Красных партизан.

Дмитрий Дементьевич радушно пригласил нас в свою просторную и уютно обставленную квартиру.

Сидоровский выглядит так молодо, словно и не было десяти лет, заполненных напряженным трудом у мартена, учебой в вечерней школе, активной и хлопотливой работой в завкоме и городском совете. Только в плечах он стал как будто шире, да под лучистыми глазами появились чуть заметные морщинки.

Мы сидели за большим столом. Книги, тетради, чернильница — все говорило о том, что перед нашим приходом Дмитрий Дементьевич занимался.

Свежий ветерок врывался в распахнутую настежь форточку и шевелил шторы на окнах. С улицы доносились гудки автомобилей, веселый гомон детворы. Чуть слышалось спокойное и ровное дыхание большого завода.

— Весну сорок второго я очень хорошо помню, — говорит Дмитрий Сидоровский. — Недавно ко мне в гости приезжал Валеев. Он в Омске сейчас работает. Вот за этим же столом вспоминали мы с Ибрагимом, как плавили сталь для фронта... Соревнование начал тогда Нурулла Базетов...

— А где он сейчас?

— Там же, на Верх-Исетском заводе. Базетов — теперь мастер мартеновского цеха.

Мы попросили Сидоровского рассказать о том, что примечательного произошло в его жизни и работе за последнее десятилетие.

— Да разве можно рассказать сразу за десять лет?! — весело воскликнул Дмитрий Дементьевич. — К такому обширному докладу я не готовился. А впрочем...

Знатный сталевар на минуту задумался.

— Вы знаете, сколько весит шагающий экскаватор Уралмаша? — неожиданно спросил Сидоровский.

— Кажется...

— Я скажу точно: тысячу сто тонн! Так вот, работая скоростным методом, моя бригада выдает каждый год тысячу — тысячу двести тонн сверхплановой стали. В прошлом году мы дали тысячу шестьсот тонн. Выходит, что из сверхпланового металла, выплавленного после Отечественной войны одной только нашей бригадой, можно построить не менее шести мощных шагающих экскаваторов для великих строек.

Но дело не только в количестве стали, — продолжал Сидоровский. — Машины, которые сейчас выпускает Уралмаш, требуют выплавки легированной и углеродистой стали различных марок. И мы даем эту сталь! Моей бригаде десять раз присваивалось звание бригады отличного качества. Мартеновский цех завода выдает сейчас слитки таких размеров, которые раньше и не снились никому из нас!

Мы долго говорили с Сидоровским о заводе, о семье, о дочке Линочке, которая десять лет назад была еще маленькой, а сейчас учится в институте иностранных языков, о планах на лето. Наша беседа затянулась. Через час Дмитрий Дементьевич должен был принимать смену. Мы проводили его до проходных ворот.

...Теплый вешний ветер гуляет по Уралу. Попрежнему сияет солнце над обширными колхозными полями. На площадях Свердловска идет подготовка к первомайскому параду. Фасады домов и леса новостроек одеваются в кумачовый наряд. В дворцах культуры и клубах звучат песни молодости и силы. Денно и нощно неугасимым пламенем пылают уральские мартены, денно и нощно идет великолепная уральская сталь, сталь мира и созидания.

А. НЕКРАСОВ

Сталевар Д. Сидоровский.

Фото Ф. Рыбакова

Путь горняка

«Проходчик марганцевой шахты тов. Осадчий за смену 1 мая выполнил свое задание на 1045 процентов».

Редакция «Тагильский рабочий».

«Правда», 2 мая 1942 года.

«Где сейчас работает Владимир Ефимович Осадчий?» — с таким вопросом редакция «Огонька» обратилась к редакции «Тагильского рабочего». Вот что нам сообщили:

Владимир Ефимович Осадчий — опытный горняк. До войны он работал на Украине, в Первомайском руднике «Кривбассруды», и к нам, на Урал, эвакуировался вместе с семьей в августе 1941 года. В ту пору уральские горняки старались использовать все резервы, чтобы помочь фронту. Было решено восстановить прожившую уже 200 лет и заброшенную шахту «Марганцевую». Осадчий первым взялся за это дело. Вскоре после того, как проходчик поставил рекорд, о котором узнала вся страна, его назначили начальником горнокапитальных работ на «Марганцевой», а в 1944 году ему уже доверили руководство всей шахтой.

Шахта «Марганцевая», исчерпав свои ресурсы, просуществовала лишь до конца войны. Что же касается ее начальника, успевшего окончить школу мастеров социалистического труда, то ему после войны поручили строить новую, более мощную шахту, строить по последнему слову техники. Сейчас он начальник участка горнокапитальных работ шахты «Эксплуатационная».

Таков путь коммуниста В. Е. Осадчего — от рядового рабочего-проходчика до руководителя строительства новых шахт.

Десять лет спустя

На орловской земле

«Первомайский день в колхозе «Красный Октябрь». Становлянского Файона, ознаменован закладкой новых домов колхозников на месте сожженных немецкими оккупантами.

В прифронтовом Русско-Бродском районе к 1 Мая восстановлено 200 домов колхозников».

«Правда», 3 мая 1942 года

Это строки из заметки, переданной с Брянского фронта. Его линия проходила тогда недалеко от Становлянского и Русско-Бродского районов Орловской области.

Как восстановлены колхозные села в этих районах, как встречают здесь Первомай 1952 года?

С таким вопросом корреспондент «Огонька» обратился по телефону к председателям исполномов двух райсоветов Орловской области.

П. Г. КРИВОШЕЕВ,
председатель Становлянского райисполкома

Земли колхоза «Красный Октябрь», о котором сообщала «Правда», широко раскинулись вокруг села Плоты. Когда оно было освобождено от гитлеровцев, то здесь оставалось только шесть домов; все остальные были сожжены и разрушены.

Уже давно исчезли последние землянки, в которых колхозникам пришлось поселиться после войны. Вдоль длинной улицы вытянулись в ряд новые дома. Среди них десятки каменных зданий.

Много новых хозяйственных построек появилось в этом селе: конюшня, коровник, свинарник, овчарник, крытый ток, склады для зерна.

Богатеет хозяйство артели. Она уже полностью освоила посевную площадь. Колхозники трудятся над выращиванием новой для здешних мест технической культуры — коксагыза.

В эти дни все тут живут в напряженном ожидании начала сева. Семена уже очищены, минеральные удобрения завезены, тракторы отремонтированы. Много новых машин получил наш район.

Село отстроилось, но строительство продолжается. Начинают сооружать зерносушилку, птичник. Я рассказал только об одном селе Плоты. Но его послевоенная судьба типична для сел Орловщины.

И. И. ОВСЯННИКОВ,
председатель Русско-Бродского райисполкома

За послевоенные годы в нашем районе построено три тысячи девятьсот домов. В артелях имени Буденного, «Сталинский путь», «Завет Ильича» колхозники соберутся на праздничные вечера во вновь отстроенных клубах.

Изменился облик и районного центра. Приезжающие к нам обращают внимание на красивый вокзал — это наша новостройка. Идешь с вокзала по улице — и всюду видишь новые здания: Дом культуры, аптека, больница, инкубаторная станция, жилые дома...

У нас сейчас горячая пора: ждем начала сева. Посевная площадь в районе превысила довоенный уровень. Тракторов тоже стало больше почти в два раза. Колхозники прилагают все усилия, чтобы на возрожденных землях получить большие урожаи.

Две фотографии

Ее фотография была опубликована в «Правде». Под снимком стояла подпись: «1 мая 1942 года. Ткачиха комбината Трехгорной мануфактуры имени Ф. Э. Дзержинского А. К. Никитина, значительно перевыполнившая вчера дневную норму».

Таков был скромный вклад Александры Константиновны в дело победы над врагом.

Миловидная, небольшого роста, с первого взгляда хрупкая, девушка обслуживала тогда шесть станков; спокойной, неторопливой походкой она шагала от одной машины к другой, следила за их плавным ходом. Кончалась смена, и Александра Никитина направлялась в один из московских госпиталей — ухаживать за ранеными воинами. Ее можно было встретить и на донорском пункте: в военные годы двадцать два раза отдавала она свою кровь.

...Как и десять лет назад, Никитина встречает Первомай на той же фабрике, в том же цехе, у ткацких станков. Но их у нее уже не шесть, а двенадцать. Да и станки другие: более совершенные, портативные и удобные. На новых машинах Александра Константиновна вырабатывает ткань для женских платьев и халатов, материю для мужских сорочек.

Иным стал и цех, где трудится ткачиха. Здесь появилось много новаторов, а во главе цеха стоит Владимир Ворошин, инициатор большого движения за культуру и чистоту на производстве.

— Интереснее и легче стало работать,— рассказывает Александра Константиновна.— Раньше выпускала каждый месяц 2 500 метров ткани, а теперь 6 тысяч. Заработок в два раза возрос. В последние годы раз пять меня премировали, несколько раз на курортах побывала.

Никитина, как и весь многотысячный коллектив комбината, стала на предмайскую стахановскую вахту. Она намного перевыполняет норму.

После работы девушки веселой гурьбой идут по улице. Громко и оживленно ткачихи обсуждают планы на лето, договариваются, кто и как проведет праздник, какие сделают покупки.

Ниже мы печатаем фотографию, сделанную в предмайские дни нынешнего года. А. К. Никитина стоит у одного из своих станков.

С. БОГОРАД

Фото Б. Вдовенко

Щеглов (слева) и Изотов склонились над чертежами у разметочной плиты.

Фото В. Байдалова

20 тысяч процентов Ильи Щеглова

Десять лет тому назад на всю страну прогремело имя слесаря Ильи Щеглова. В честь Первого мая, тогда еще двадцатилетний комсомолец, помогая фронту, установил выдающийся рекорд производительности труда: за две смены выполнил годовую программу. «Правда» сообщала из Хабаровска:

«Слесарь Илья Щеглов, перейдя на новый метод работы, выполнил старую сменную норму 30 апреля на 13.000 процентов, а 1 мая — на 20.000 процентов».

Изделие сложного профиля, которое обрабатывала комсомольская фронтовая бригада Ильи Щеглова, отливалось в земляные формы. За отливкой следовали шесть трудоемких слесарных операций. При такой технологии даже лучший стахановец не мог за смену обработать более 30 деталей.

Вместе с товарищами по бригаде Илья Щеглов изменил устаревшую технологию и предложил свою, новую. Предложенные слесарем приспособления позволили обрабатывать без особого напряжения до 6 тысяч деталей за смену.

Новая технология рождалась в творческом содружестве рабочего Ильи Щеглова и инженера Николая Изотова. Десять лет, прошедшие с тех пор, еще более укрепили эту дружбу.

...Мы идем по широкому, просторному цеху. Сколько в нем воздуха и света! Какими мощными станками оснастила его страна в послевоенные годы!

— Изотов и Щеглов опять что-то изобретают,— говорит главный технолог завода тов. Бержицкий, показывая на две фигуры, склонившиеся над чертежами у разметочной плиты.

Главный технолог завода рассказывает о замечательных трудовых делах Ильи Щеглова в послевоенные годы. Работает он теперь слесарем-разметчиком.

— Сказать, что Илья Щеглов — чертежник по металлу,— это не совсем точно,— говорит главный технолог.— Кажется, что острый глаз стахановца проникает в структуру металла, видит его «душу». Он частенько поправляет нас — инженеров. Мы советуемся с ним при разработке новой технологии.

Илья Никитович не имеет диплома инженера, но лекции его в заводском Доме инженера и техника охотно посещают инженеры, техники, стахановцы, молодые рабочие, еще не успевшие снять форму ремесленного училища.

С. РОСЛЫЙ

Литейщица

Ленинградский завод имени Карла Маркса. Косые лучи апрельского солнца пробиваются через застекленную крышу литейного цеха. Равномерно движется кольцевой конвейер — здесь формуются и заливаются детали текстильных машин.

Начальник цеха знакомит нас с Прасковьей Михайловной Лебедевой.

— Это она руководила тогда бригадой заливщиц...

Тогда — это десять лет назад. О трудовых подвигах бригады Лебедевой 2 мая 1942 года сообщала «Правда».

Лебедева вспоминает:

— Только стали заливать формы металлом, как вражеская артиллерия начала обстрел. Но наши заливщицы не покинули рабочих мест. Жили мы тогда в цехе. Вместе со мной находилась и восьмилетняя дочурка Галя. Вечером в затемненном цехе скромно отметили праздник — Первомай 1942 года.

После войны на завод вернулись фронтовики. Сегодня на заливке не встретишь ни одной женщины. В мирные дни эта профессия вновь стала мужской. Но Прасковья Михайловна не ушла с завода. Коммунистка стала изучать технику, настойчиво осваивать ее. Лебедеву назначили старшим мастером стержневого участка, где формуются детали текстильных машин высокого класса точности. По соседству работает А. Н. Большакова. Десять лет назад она была в бригаде Лебедевой; теперь сама руководит бригадой, формует узлы прядильных и крутильных машин.

Разговор заходит о переменах, происшедших в цехе, на заводе за минувшие годы. Освоено производство новых сложных машин для обработки хлопка и льна.

— Вот какие новости у нас,— заканчивает свой рассказ о новых машинах Прасковья Михайловна.

— А что с Галей?

Поправив на голове косынку, Лебедева как-то особенно оживилась:

— Дочурка моя уже взрослая. Учится в архитектурном техникуме. Будет проектировать города...

К. ЧЕРЕВКОВ

Прасковья Михайловна Лебедева со своей дочерью Галиной.

Фото И. Фетисова

Письмо вождю

В этом старинном здании, расположенном в центре города Калинина, всегда многолюдно. Одни приходят сюда полюбоваться картинной галереей, другие — познакомиться с богатствами краеведческого музея. Но никто не пройдет мимо экспозиции, воскрешающей в памяти подвиги освободителей города Калинина от гитлеровских захватчиков. Обязательно остановятся у стенда, посвященного боевым действиям партизан в годы Великой Отечественной войны. Под стеклом рядом с фотографиями той поры, личными вещами народных мстителей и их дневниками фотокопия газетного листа. Это страница «Правды» от 1 мая 1942 года. Читаем: «Открытое письмо партизан Калининского фронта товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину».

Под письмом — каждая его строчка проникнута глубокой верой в торжество правого дела — много подписей; они принадлежат людям, чьими подвигами восхищался весь мир, но о которых тогда, десять лет назад, мы ничего не знали, кроме их профессии и имени: «Командир отряда Д... Железнодорожник Иван Т... Пулеметчик — токарь Михаил В... Разведчица — чертежница Надежда И... Партизан Дмитрий М...»

Где они сейчас, что делают?

...Ржевский горком партии. Из-за стола поднимается широкоплечий человек и направляется навстречу вошедшим в комнату.

Иван Семенович Дёжин, секретарь горкома, знакомит:

— Иванова, бывшая чертежница. Впрочем, она и Иванова бывшая. Надежда Николаевна, отважная разведчица, находясь у нас в отряде, вышла замуж за командира отделения партизан Евгения Петровича Лебедева. Знакомьтесь и с ним: начальник одного из секторов политотдела Калининской железной дороги. Наш, ржевский... До войны в горсовете работал. Кто такой железнодорожник Иван Т.? Тоже ржевский, Иван Гаврилович Тихонов, на станции Ржев-II трудится. А вот и пулеметчик — токарь Михаил В. пришел. Присаживайтесь, Михаил Федорович. Товарищ Веселов, токарь по профессии,— теперь машинист компрессора вагонного участка.

Бывший командир партизанского отряда Иван Семенович Дёжин знакомит нас со своими боевыми соратниками. Они были и остались соратниками: раньше — в бою, теперь — в мирном труде.

...Надежду Николаевну на следующий день мы встретили в горсовете. Смуглая, на первый взгляд хмурая женщина, Н. Н. Лебедева, инспектор государственного архитектурно-строительного контроля, готовилась к приемке нового дома на 12 квартир для рабочих ремонтно-механического завода. Война прервала мирные дела чертежника-конструктора, проектировавшего для Ржева банно-прачечный комбинат, школу, ясли.

— Пришлось все это оставить и взяться за оружие,— вспоминает Лебедева.— А после войны наверстывать. Только теперь я не проектирую, а принимаю у строителей их работу.

Надежда Николаевна начала было по пальцам перечислять объекты, принятые ею в возрожденном городе, но оставила эту затею: «пальцев не хватит».

...Отважный партизан-разведчик Гавриил Матвеевич Лёвин занят разбором архивных документов. За столом, склонившись над объемистой папкой, сидит седовласый человек, бывший матрос «Авроры», участник штурма Зимнего дворца. Член партии большевиков с марта 1917 года, он, получив персональную пенсию, не пожелал, однако, сидеть дома.

— Заведую филиалом областного архива. Недавно разыскал список партизан, действовавших тут в пору гражданской войны. Любопытный документ...

И старик бережно разглаживает пожелтевшие листы бумаги.

Мы выходим из нового трехэтажного дома на Партизанской улице и направляемся к улице Василия Косарова: бывший работник Ржевского горкома партии, он геройски погиб в одной из боевых операций партизан. Здесь, на улице имени Косарова,— она в лесах строек — работает его боевой друг, земляк, деливший с ним тяготы партизанской жизни, директор городского промышленного комбината Антип Прокофьевич Хренов. Он рассказывает интересную историю дома, в котором расположилось правление комбината:

— Мы построили этот дом, когда находились еще в лесу. Рассуждали так: Ржев скоро освободят. А где жить будем? Дома-то все разрушены. Вот и сложили сруб. Входим в город и тащим сруб за собой. Солдаты смотрят, смеются. «До чего,— говорят,— хозяйственные вы люди».

Руководитель этой «лесной стройки» А. П. Хренов действительно слывет в области хозяйственным человеком. Одеяла, ткани, перламутровые пуговицы, мебель, обувь, елочные украшения,— разве перечтешь все 200 наименований изделий, выпускаемых ныне мастерскими этого крупнейшего в Калининской области горпромкомбината? Его продукцию встретишь и в универмагах Москвы.

...В тот день проходила Ржевская районная партийная конференция. Среди ее делегатов был и директор МТС Дмитрий Викторович Медведев, бывший командир отделения партизан-пулеметчиков. Разговор заходит о местах, где действовали пулеметчики Медведева.

— До чего интересно получается! — восклицает он.— Вот как иногда судьба складывается — машины нашей МТС работают на тех полях, где мы партизанили,— в Горовatке, Новом и Старом Рукаве...

Старый Рукав! Утром Дёжин говорил нам о замечательной семье колхозника Г. Н. Гусева из села Старый Рукав. Его сыновья ловко собирали важные сведения о фашистах, а Григорий Никитович регулярно передавал эти донесения в лес, партизанам. По сообщению колхозника и была как-то совершена на селе необычайно дерзкая диверсия. В отместку гитлеровские каратели сожгли дома на окраине деревни.

— Как она выглядит сегодня?

— На такой вопрос лучше Александра Васильевича Васильева никто не ответит,— замечает Медведев.— Он тоже делегат конференции. Председатель колхоза из Старого Рукава.

Васильев говорит неторопливо, обстоятельно: и как новые дома выстроили на месте тех, что гитлеровцы сожгли — «куда тем старым хатам с нынешними избами тягаться»; и как хозяйственными постройками обзавелись, школу, медпункт открыли; и как к севу подготовились — «весна поздняя у нас, а семена рано приготовили». Потом Васильев рассказывает о Гусевых:

— Старик умер. А Наталья Арсеньевна Гусева птичницей в колхозе. Дочь Анна помогает ей. Дети — кто учится, кто работает. Шесть сыновей и три дочери у нее... Счастливая!

Дёжин, супруги Лебедевы, Хренов, Лёвин, Медведев, Веселов, Тихонов... Их много тут, в Ржеве и окрестных селах, бывших партизан. Десять лет назад они поставили свои подписи под письмом товарищу Сталину с глубокой верой: скоро придет день освобождения родного города. День этот наступил в марте 1943 года.

— Вскоре после того, как мы вместе с частями Советской Армии вошли в город, — рассказывает Дёжин,— сюда прибыли из Москвы нежданные «гости» — американцы и англичане: захотели проверить правильность сообщения Советского Информбюро о Ржеве. Помню, какое удивление и плохо скрываемые иронические улыбки вызвали наши слова: «Мы свой город быстро восстановим». Тогда кругом ведь были руины, пепел. «Что же,— подумали мы, глядя на заморских гостей,— улыбайтесь! Смеется тот, кто смеется последним!» А через несколько лет к нам вновь пожаловали два американца; кисло глядели они на дома, школы, фабрики, выросшие словно по мановению волшебной палочки.

И. С. Дёжин показывает город, рассказывает о восстановлении Ржева — ярко, взволнованно. Построено около 3 тысяч домов. Новые, красивые здания появились на улицах Коммуны, Партизанской, Садовой, Ленинградском шоссе. Выросли поселки, живописно раскинувшиеся близ фабрик, заводов. Горожане получили от государства ссуду в 12 миллионов рублей на

Десять лет спустя

строительство собственных домов. Более 200 миллионов рублей уже израсходовано на восстановление города. 200 миллионов — это каменные, благоустроенные жилые здания и летний драматический театр; это завод стандартного домостроения,— его продукция идет в Куйбышев и на Каховку; это литейно-механический завод, большая льночесальная фабрика. Страна получает отсюда льноволокно, транспортеры, краны, минеральную вату, чугунное литье, мебель, обувь...

...Недавно жители Ржева торжественно отмечали девятую годовщину освобождения города от гитлеровцев. До отказа был заполнен клуб. На почетных местах сидели бывшие партизаны — люди, помогавшие освобождать Ржев и восстанавливать его. А десять лет назад, вот в такие же предвесенние дни, многие из сидевших в зале находились в тылу у врага и жили радостной надеждой: «Следующий Первомай встретим в освобожденном Ржеве!» Все, что было тогда у партизан на душе, высказали в письме вождю. И вот они снова обращаются с приветственным письмом к товарищу Сталину. Трудящиеся небольшого старинного русского города на Волге с волнением рассказывают, как благодатен живительный ветер весны коммунизма, веющий над просторами их привольного края.

Л. ЛЕРОВ

Март 1943 года. Партизаны вернулись в родной город и сфотографировались у здания Ржевского горкома партии. В первом ряду второй слева И. С. Дёжин.

Апрель 1952 года. В Ржевском горкоме партии встретились бывшие партизаны. Слева направо: А. П. Хренов, И. А. Макшинский, И. Г. Тихонов, М. Ф. Веселов, И. С. Дёжин, В. И. Орлов, Е. П. Лебедев, Н. Н. Лебедева, Г. М. Лёвин.

Фото Е. Умнова

ТРИ КАНАЛА

Е. РЯБЧИКОВ

Под Сталинградом, на крутом берегу Волги, горделиво вознеслись к небу каменные башни монументальных шлюзов. Нависли над каналом стальные мосты. Алеет черепица отстроенных городов. На берегах новой магистрали пышно зеленеют рощи и

дубравы. Шумят среди степных равнин серебристые волны новых морей. Каждую ночь вспыхивают длинные лучи маяков.

Близок день, когда распахнутся ворота всех тринадцати шлюзов канала и, вспенивая воду мощными винтами, отправятся от Волги к Дону и по Цимлянскому морю празднично украшенные суда. Взору гостей откроется творение и гордость Советской страны — Волго-Дон.

Идут последние работы. Строители уже готовят объемистые томы отчетов. Стахановцы и инженеры дописывают книги, обобщающие опыт освоения мощных машин. Размножаются кинодокументы, запечатлевшие этапы великой стройки. Переплетаются фотоальбомы, сохранившие все, что свершалось на берегах Волги и Дона. Бухгалтеры трещат арифмометрами, готовя финансовый отчет. И в эти дни все чаще собираются строители, чтобы подвести итоги своего большого труда и заглянуть в будущее.

В Береславском строительном районе Волго-Дона собралось много молодежи. Шло открытое комсомольское собрание. Выступал главный инженер района Аркадий Иванович Кочегаров.

Невысокого роста, худощавый, с глубоко запавшими серыми глазами, инженер-коммунист прожил большую жизнь, ставшую своеобразной летописью гидротехнических строек социалистической державы.

Кочегаров посмотрел в зал. Впереди сидел его ученик, молодой инженер Виктор Ефимов. Он раскрыл тетрадку и готовился записывать. Рядом с ним Евгений Сальников, Евфалия Белова. Она склонила загорелое лицо над блокнотом. Люба Занина, веселая, подвижная девушка, смотрела на Аркадия Ивановича в ожидании его рассказа.

Кочегаров переложил листки с тезисами, подумал и понял: от него ждут не цифр и формул, а искреннего повествования о большой жизни.

ПОХИЩЕНИЕ ЗНАНИЯ

— Родился я в городе Весьегонске, Тверской губернии,— заговорил Кочегаров.— Это был город мелких обывательских пересудов и классической грязи. Это был город, в котором чтение «Биржевых ведомостей» и регулярное посещение обеден и всенощных считалось высшей добродетелью. Власть олицетворял полуграмотный уездный исправник. В карликовых лесных разработках воплощалась промышленность всего уезда. Не город — «медвежий угол»...

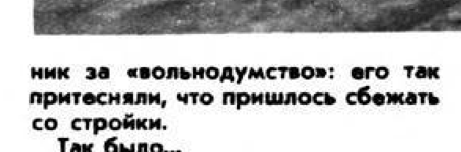
Полиция и священник,— Кочегаров горько усмехнулся,— точно определили мое место и мое назначение: мещанин. Точка! Человек только родился, а его сразу отнесли к низшему сословию.

Трудно было учиться, но семья сделала все, чтобы я получил образование.

Окончил я городское училище и Вышневолоцкое училище кондукторов путей сообщения. Пришло время попробовать силы на стройке шлюза и плотины на реке Шексне — это у села Ковжа. Работали здесь за нищенскую плату кирилловские, Новгородской губернии, землекопы, калужские и смоленские каменщики, рязанские плотники.

Строили мы тогда так, будто жили во времена Петра Первого: одни лопаты были... Ничему не учили. Говорили: «Отрасти себе бороду, тогда мысли». Старики-десятники похвалялись: дескать, мы неграмотные люди, а занимаем положение, ведем стройку, знаем «тайны» бутовой кладки, забивки свай и земляных работ. Стиснув зубы, учился. Приходилось и так: на свайных работах на каждый копер полагался тогда «журналист» — так называли учетчика. Я отпускал «журналиста» под воскресенье на отдых, а сам начинал записывать. Работал в ту пору на паровых копрах рязанский закопрщик Василий Дуда. Сговорился я с ним, что будет он обучать меня тайком своему делу. Так и сделали. На царской стройке мне, молодому технику, приходилось воровать знания.

Кочегаров вспомнил, как однажды уехал старший техник и поручил ему, новичку, делать отметки плотины. Кочегаров нашел в уже сделанной отметке ошибку на 10 сантиметров и исправил ее. Приехал старший техник. Кочегаров доложил ему об ошибке, тот долго не хотел в нее поверить, ругал Кочегарова, что он «лезет не в свое дело», и пуще разозлился, когда убедился, что ошибка была. Горько поплатился молодой тех-

ник за «вольнодумство»: его так притесняли, что пришлось сбежать со стройки.

Так было...

Молодежь слушала внимательно. Экскаваторщики, бетонщики, крановщики, инженеры и техники с трудом верили, что повествование Кочегарова — правда канувшей в прошлое тяжелой жизни.

В зале наступило радостное оживление, когда главный инженер заговорил о грандиозных гидротехнических сооружениях в Советской стране, о росте людей и техники...

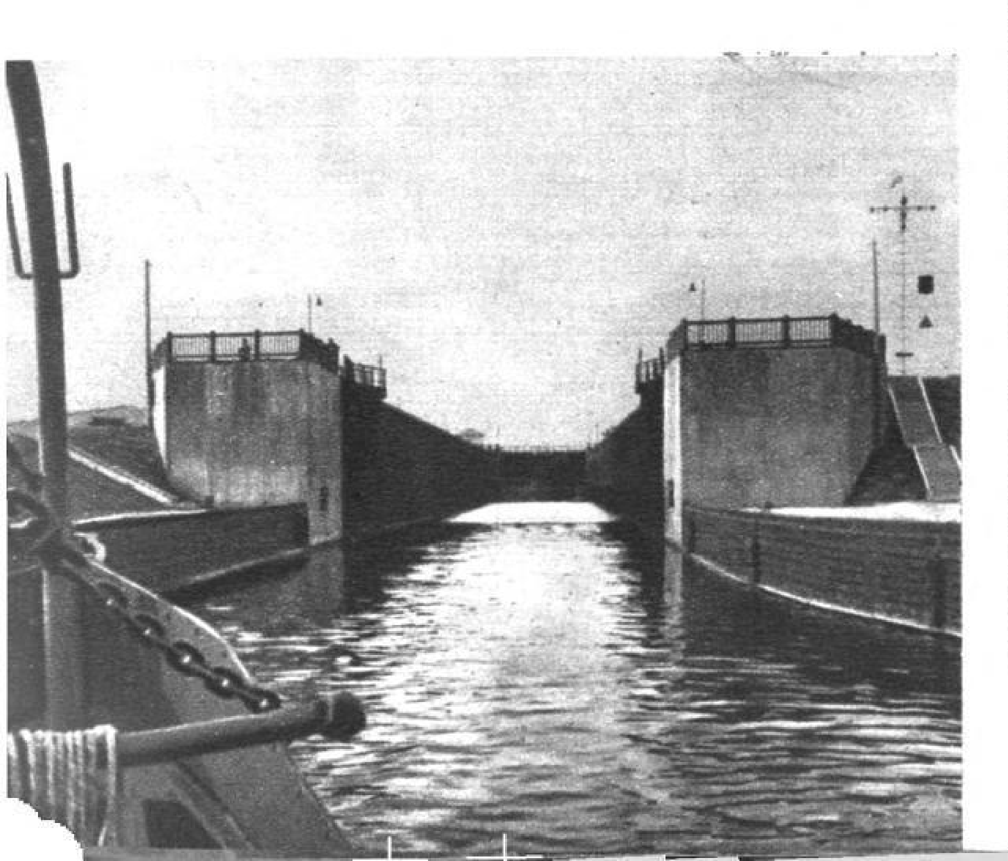
ВЕЛИКИЙ ПЛАН

По предложению выдающегося гидротехника Сергея Яковлевича Жука поехал Аркадий Иванович Кочегаров осенью 1931 года строить Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. Предстояло осуществить сталинский план соединения Белого моря с Балтийским.

Молодому инженеру Кочегарову поручили строительство самого большого на трассе канала двухкамерного шлюза № 11. Он входил в Шаваньский гидроузел. Дикие скалы и лесные дебри гранитной Карелии... Топи, бурелом, округленные ледниками валуны... На месте будущего шлюза стоял дощатый сарай. Мрачной была земля, где предстояло, нарушая вековую тишину, прокладывать водный путь от моря до моря.

Беломорстрой был первенцем великих гидротехнических строек в СССР.

По сталинскому плану предстояло проложить кратчайшие водные пути через всю европейскую часть СССР и соединить в единую водно-транспортную систему все ее моря. Советский народ не мог мириться с тем, что корабли, направляясь из Архангельска в Ленинград, вынуждены были огибать всю Скандинавию и тратить 10 дней на преодоление пути в 5 тысяч километров, когда Белое море отделялось от Балтийского все-

На Беломорско-Балтийском канале имени И. В. Сталина.

Фото С. Раскина

го лишь небольшим отрезком скалистой суши. Не мог советский народ спокойно отнестись и к другой несправедливости природы: к тому, что наши корабли, направляясь из Архангельска в Одессу, между которыми лежало по прямой линии всего 2 тысячи километров, должны были огибать всю Скандинавию, идти вдоль берегов Англии, Португалии, через Гибралтар, вдоль берегов Северной Африки, через Средиземное море, Дарданеллы, Босфор — 10 тысяч километров, 25 дней пути...

По сталинскому плану предстояло соединить каналом Белое и Балтийское моря, реконструировать Волгу, проложить канал имени Москвы, присоединить к Белому и Балтийскому морям тогда еще отрезанное от океанских магистралей Каспийское море, а затем через обновленные Волгу и Дон соединить все эти три моря с морями Азовским и Черным. Тогда Москва должна была стать портом пяти морей.

Вспомним пору, когда началось строительство первого грандиозного канала. Шла индустриализация страны, пускали первые домны на Урале, в Сибири и на Юге, начиналась прокатка на первых блумингах. Строили заводы и города. Прорубали дороги в тайге, клали бетон, осваивали станки. Партия большевиков мобилизовала все усилия народа на превращение ранее отсталой, аграрной страны в мощную, индустриальную державу.

В цехах заводов-гигантов только еще ковалась новая, социалистическая техника. Строители Беломорско-Балтийского канала почти не имели машин и вынуждены были широко использовать ручной труд, малую механизацию. Много было на трассе лопат, кирок, тачек, конных грабарок... Но социалистическая организация труда принесла замечательные плоды: через 20 месяцев с начала строительства был готов канал длиной в 227 километров. Он равен по длине почти трем Панамским каналам. Через его 19 шлюзов пошли корабли. Это была выдающаяся победа молодой социалистической республики.

...Стоял теплый июльский вечер 1933 года. Воды канала отражали сооружения мощного Шаваньского шлюза, зелень лесов, обточенные камни, выросшие на берегу красивые здания. Гасла северная заря. Аркадий Иванович стоял на шлюзе и любовался творением строителей. Вспоминались ему дни, полные трудового напряжения, хорошо мечталось о будущем.

Инженера неожиданно вызвали к телефону. Из Надвойц сообщили:

— Примите пароход «Анохин»!

Кочегаров пропустил судно через верхние ворота Шаваньского узла, дал сигнал на среднюю голову шлюза и пошел для проверки вдоль барьера. Вдруг он увидел на палубе судна товарища Сталина: вместе с Кировым и Ворошиловым Иосиф Виссарионович осматривал шлюз.

Строители закричали «ура». Счастливый, взволнованный Кочегаров отдал честь вождю. Товарищ Сталин приветствовал землекопов, бетонщиков, инженеров.

Мудрый руководитель индустриализации страны знакомился с новой водной магистралью и ее сооружениями.

В 1933 году Беломорско-Балтийский канал имени Сталина вступил в строй. Решена была первая часть великого сталинского плана соединения всех морей европейской части СССР в единую воднотранспортную систему. От Белого моря к морю Балтийскому пошли корабли.

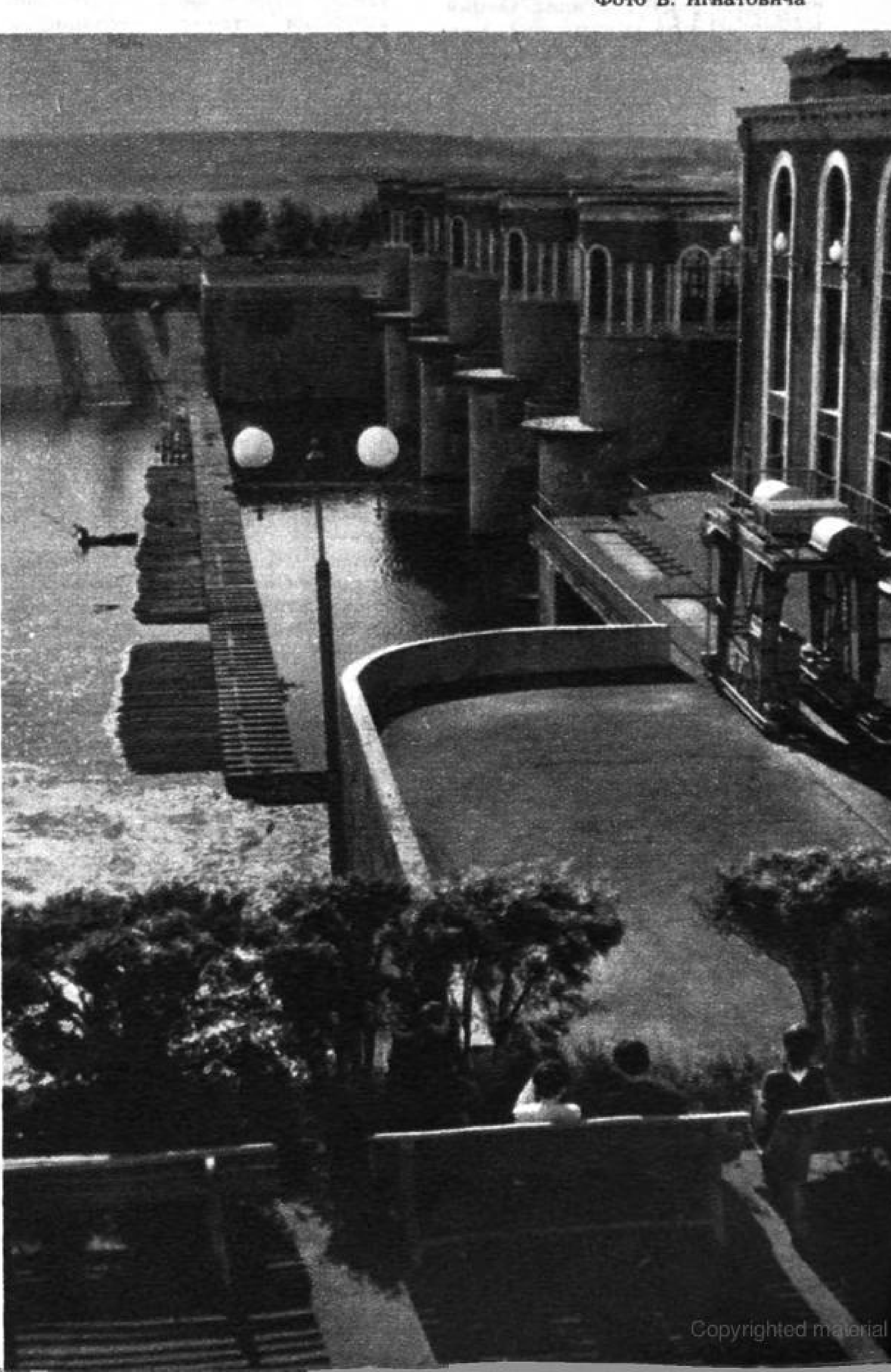
ЭКСКАВАТОРЫ НА ТРАССЕ

Строители Беломорско-Балтийского канала имени Сталина поехали под Москву, сооружать второй гигантский канал. С орденом Красной Звезды на рабочей тужурке, вместе с тысячами рабочих, инженеров и техников прибыл на новую трассу и Кочегаров.

Волго-Донской судоходный канал. На снимке: Береславский участок новой водной магистрали.

На снимке внизу: у верхнего бьефа Карамышевской плотины канала имени Москвы.

Фото Б. Игнатовича

Береславский водосброс Волго-Донского судоходного канала.
Фото А. Гостева

Главный инженер строительства канала имени Москвы С. Я. Жук поручил Аркадию Ивановичу сооружение шлюза № 11, гидростанции и Перервинской плотины. Новая трасса глубоко поразила Кочегарова: на стройке он увидел множество машин.

Прошло немного времени после окончания строительства Беломорканала, а социалистическая индустрия уже оснастила вторую гидротехническую стройку новейшими машинами и механизмами. И с каждым днем их становилось все больше. На трассе канала протяжением в 128 километров возводилось 240 гидротехнических сооружений, среди них 11 шлюзов, 11 плотин, 5 насосных станций, 8 гидростанций. Нужно было вынуть 202 миллиона кубометров земли и уложить более 3 миллионов кубометров бетона и железобетона, что было равно по земляным работам семи Беломорстроям, а по бетону — трем Днепростроям.

Выполнить такой план в неслыханно короткие сроки можно было только с помощью совершенной техники. Страна дала ее в изобилии. Социалистическая индустриализация страны произвела техническую революцию в строительстве. На трассе работали 225 мотовозов, 171 экскаватор, 161 паровоз, 275 тракторов, 3 050 автомашин. Появились большие бетонные заводы и новинка советской техники — гидромеханизация.

То, что было мечтой в Карелии, стало здесь явью: машины заменили тяжкий и малопроизводительный труд землекопов, готовили бетон и укладывали его в блоки сооружений, прокладывали русло канала. В последний год стройки ручной труд был сведен до минимума.

И вот пришел долгожданный день: заработали шлюзы, гидростанции, и там, где вчера действовали машины, послышался ликующий гудок парохода. По каналу, закованному в бетон и камень, пошли суда. Волжские воды направились к стенам Кремля. Москва стала портом трех морей.

День 14 июня 1936 года был особенно радостным и значительным в жизни начальника участка стройки инженера-коммуниста Кочегарова. Около 7 часов вечера к Перервинскому шлюзу подошла машина. Начальник участка увидел ее и шагнул к краю бетонной площадки. Через зеленую лужайку к башне управления шли товарищ Сталин, товарищи Орджоникидзе и Каганович.

В первую минуту инженер даже растерялся от неожиданности. Он увидел родное лицо и мгновенно вспомнил встречу с товарищем Сталиным на Беломорском канале. К нему вернулось самообладание, он отдал рапорт. Товарищ Сталин пожал руку инженера, улыбнулся и попросил ознакомить с сооружением.

На следующий день, 15 июня 1936 года, на первой странице «Правды» было опубликовано сообщение: «Товарищи Сталин, Каганович, Орджоникидзе на Перервинском шлюзе». В конце этого важного официального сообщения указывалось: «Объяснения о работе шлюза давал начальник участка тов. Кочегаров».

В тот день, о котором сообщалось в «Правде», к шлюзу подошли пароходы «Память Кирова» и «Динамовец»; они возвращались с экскурсантами из села Коломенского в Москву. Экскурсанты издали узнали Иосифа Виссарионовича Сталина, и зеркальные стекла башни управления дрогнули от восторженных возгласов, криков «ура».

В присутствии руководителей партии и правительства пароходы прошли через шлюз. На палубе парохода «Память Кирова» заиграл оркестр.

Товарищ Сталин подошел к парапету, снял фуражку и приветствовал пассажиров. Над гулкой камерой шлюза прокатилась буря рукоплесканий.

Бетонный устой Перервинского шлюза казался в ту минуту похожим на капитанский мостик, высоко поднявшийся над волжской водой. Глядя на родное лицо вождя, начальник сооружения вспомнил другой вечер, в Карелии, вспомнил, как на палубе парохода «Анохин» стоял товарищ Сталин.

Сбывались предначертания вождя о соединении всех морей европейской части СССР в единую воднотранспортную систему. В эксплуатацию вступили уже два канала. Преобразилась Волга, появились на ней искусственные моря, гидроузлы. Нужно было решить третью задачу: проложить Волго-Донской судоходный канал.

ОТ ВОЛГИ К ДОНУ

Отечественная война прервала начавшееся строительство Волго-Донского судоходного канала — последнего звена в сталинском плане соединения морей.

Но как только советские войска разгромили фашистскую Германию, на бескрайних равнинах сталинградских степей появились геологи и топографы. Там, где грохотали танки, где степную землю перепахали снаряды и авиационные бомбы, появились палатки геологов и в землю забили первые вехи с надписями: «Ось канала», «Верхняя голова шлюза № 3».

И вот от Волги к Дону протянулся мощный конвейер машин. Машины прокапывали канал, месили бетон, вязали арматуру. Впервые в мире на великой стройке коммунизма все земляные и бетонные работы были полностью механизированы.

Результаты социалистической индустриализации страны уже были зримы: могучая промышленность оснастила волгодонцев новейшими машинами и механизмами, вооружила их такой техникой, которая неведома капиталистическим странам. За два года на трассе судоходного канала вынуто и уложено более 100 миллионов кубометров земли, а всего по Волго-Дону — 200 миллионов кубометров и уложено более 3 миллионов кубометров бетона.

С новейшей передовой техникой, созданной отечественной промышленностью, Кочегаров познакомился в Береславском строительном районе Волго-Дона. Там возводили шлюз № 10, водосброс, ремонтно-заградительные ворота, прокладывали большой участок канала.

Каждый вечер зажигались в Береславске алые звезды — вестники трудовых побед строителей, с невиданной скоростью воздвигавших сооружения.

Еще прошлой осенью появилось в Береславском районе первое полностью завершенное гидротехническое сооружение Волго-Дона: увенчанные башнями, с бетонными подпорными стенами, выросли ремонтно-заградительные ворота и бетонный водосброс. Пролег и одетый в камень канал, поднялась земляная плотина. Вдоль берегов канала протянулись аллеи недавно высаженных многолетних деревьев.

Донская вода уже пришла в канал. Мощные насосные станции подали ее на водораздел между Доном и Волгой. Эти майские дни великая стройка встречает гудками пароходов, проходящих пробное шлюзование, шумом дубрав, серебристым звоном воды.

Тысячи рабочих, инженеров и среди них старый гидротехник Кочегаров со своими учениками — молодыми инженерами Виктором Ефимовым, Евфалией Беловой, Любой Заниной, выросшими и окрепшими на стройке,— встречают 1 Мая на трассе готового судоходного канала. Их труд вместе с усилиями всей страны воплотился в шлюзы, насосные станции, плотины, в новые города и порты — первенцы великих строек коммунизма.

Обогащенные опытом, освоившие новейшую отечественную технику, готовятся они ехать на новые стройки, осуществлять новые задания партии.

А. Кочегаров (первый справа) рассказывает своим ученикам, молодым инженерам Л. Заниной, Е. Беловой и Е. Сальникову о предстоящем открытии Волго-Донского судоходного канала.

Индия поет о мире

Из путевых впечатлений

Борис ЧИРКОВ
Народный артист СССР

Мы пробыли в Индии 47 дней. Для серьезного знакомства с такой большой страной, таким большим народом и с той сложной жизнью, которая идет в стране, срок, конечно, незначительный. Наши наблюдения во многом были неполными и отрывочными, но вот общее впечатление, которое у нас осталось: страна необыкновенно богата, и народ в ней живет трудолюбивый, одаренный, честный. Но мы видели также, что все эти богатства не принесли счастья индийскому народу.

Люди в Индии преждевременно стареют...

Нам показывали старину Индии: архитектуру, искусство, остатки древней культуры. Все это необыкновенно монументально, разнообразно, интересно. Мы видели замечательные храмы, дворцы и крепости, видели целый город, столицу государства, построенную за небольшой срок в период царствования шаха Акбара. Перед этими колоссальными сооружениями бледнеют египетские пирамиды. Нужно просто удивляться трудолюбию и талантливости народа, сумевшего создать все это, пользуясь примитивнейшей строительной техникой. И эти памятники — а их много — разбросаны по всей стране: в Калькутте, в Бомбее, на юге страны — в Мадрасе, Мадуре, на севере — в Дели и Агре. Но все они имеют давность не менее четырех—пяти столетий.

С приходом английских колонизаторов богатства страны перестают принадлежать ей. Она становится чем-то вроде донора, к телу которого приставили аппарат для выкачивания крови и выкачивают, не заботясь о здоровье того, кто отдает кровь. Из организма страны уходят жизненные соки, она теряет былую силу и энергию. И за счет этих соков жиреет заморский паразит.

История Индии — это наглядный пример того, что такое колониальная политика империализма.

НИЩЕТА СРЕДИ БОГАТСТВА

Мы видели великолепный памятник старинной индийской архитектуры — Тадж Махал — «жемчужину двора». Это гробница любимой жены шаха Джахара. Сооружение действительно вызывает удивление монументальностью, великолепием архитектурных форм. Когда вы приближаетесь к нему в жаркий день, кажется, что на вас веет прохладой, как от колоссальной ледяной горы. Белый мрамор стен словно тает потихоньку на ярком солнце.

Здесь с почестями похоронена жена шаха. А невдалеке от храма — обычное кладбище, где хоронят обыкновенных людей. И это — такое страшное зрелище, которое невозможно забыть. На кладбище есть каменная площадка, где за некоторое количество рупий сжигают тела состоятельных покойников. Те, у кого мало рупий, сами сжигают своих близких на берегу реки, прямо на песке, пользуясь низкосортным топливом. Но есть совсем бедные люди, у которых нет возможности заплатить и такую жалкую плату, эти бросают покойников прямо в реку, грязную и мутную, кишащую огромными, страшными черепахами, пожирающими останки бедняков.

Стоя на берегу и глядя на отвратительные морды черепах, то и дело высовывающихся из воды, мы вдруг обернулись и увидели: пышный мавзолей. Тадж Махал стоял совсем близко от нас. Вековая судьба страны открылась перед нами: богатство и нищета рядом!

Мы видели тысячи людей, живущих в жалких шалашах и норах, несчастных, худых, изможденных, вечно голодных людей. Средняя продолжительность жизни человека в Индии — 27 лет. Человек еще не успевает полностью развернуть свои физические и духовные силы, как ему уже пришло время умирать. Средний вес рождающегося у нас ребенка — 8—10 фунтов, средний же вес ребенка, рождающегося в Индии,— 5—6 фунтов.

Не веришь, что, выйдя на улицу Бомбея или Дели, снова увидишь ужасные картины жизни городской бедноты: кажется, что ты видел их во сне. Но нет, убеждаешься, что это наяву, что это правда! Когда узнаешь эту правду, то удивляешься, как еще способен человек прожить до 27 лет...

Четверть населения больна туберкулезом, в стране два миллиона слепых, всего десять процентов грамотных. И все это потому, что империализм долгое время выкачивал и выкачивает из Индии все жизненные соки. Если бы этому народу накопить сил, вздохнуть, придти в себя! От него можно было бы ждать великих достижений и в культуре и в экономике, такого расцвета, который оказал бы влияние на другие народы, на весь мир.

В Индии такое живительное солнце, такая благодатная земля, что она могла бы прокормить весь мир. Мы побывали на крайнем юге страны, на севере и на востоке. Земля может давать богатейшие урожаи. Вот пример: на территории Международной промышленной выставки в Бомбее, где строился и наш советский павильон, были навалены в кучу камни с землей, туда, видимо, попало некоторое количество семян; и через несколько дней здесь развилась пышная растительность. А ведь никто об этом не заботился, кроме солнца и земли! Мы видели огромные баобабы и эвкалипты, мы проезжали пальмовыми лесами, видели нескончаемые плантации каучуконосных деревьев, плантации кофе, перца, какао, рисовые поля, джут, хлопок. Все это может произрастать в изобилии на индийской земле. Нужно только, чтобы народ почувствовал себя хозяином своей земли.

В доме одного индийского миллионера мы сидели в прекрасных залах, где воздух охлаждался специальными машинами, слушали передачу из Москвы, которую ловили новейшие радиоприемники; приехали и уехали мы на великолепных автомашинах хозяина. Здесь люди пользуются всем тем комфортом, который только может доставить современная техника. А рядом, на постройках больших шестиэтажных домов на знаменитой набережной Бомбея, мы не заметили ни одной машины: рабочие доставляют все строительные материалы в корзинах, поставив их себе на голову. В десятке

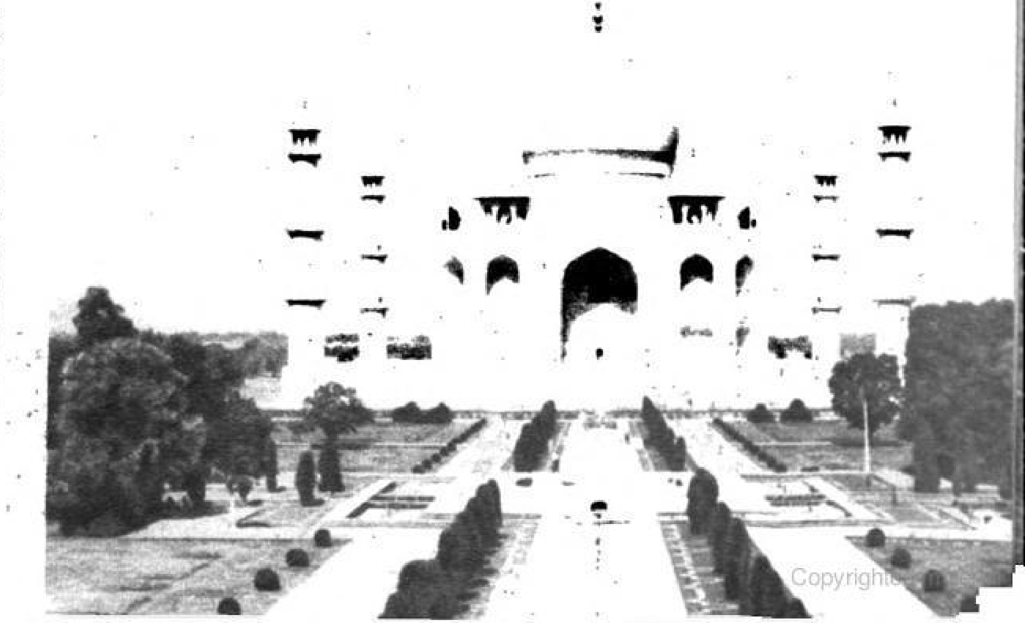

На индийском базаре.

километров от дворца миллионера крестьяне обрабатывают землю орудиями, которые употреблялись до нашей эры. Люди пашут даже не сохой, а простым сучком, взрыхляя землю всего на четыре — пять сантиметров. Соха была бы здесь шагом вперед, но и она не всегда доступна.

Миллионы людей Индии не грамотны, сознание их затемнено религиозными предрассудками. Проезжая на машине, мы видели,

Памятник старинной индийской архитектуры Тадж Махал.

как у дороги, на небольшом поле, работали 10—15 человек, выпалывая сорняки. Следом за ними шла стая обезьян, пожирая посевы. И люди не решались прогнать этих животных со своих полей: обезьяны, как убеждает религия,— священные существа, и человек не смеет поднять на них руку...

Все это длится веками. Но не может продолжаться вечно. Народ Индии поймет, уже начинает понимать свою силу. Кончается его великое терпенье, и он хочет стать хозяином богатств своей замечательной страны.

О ЧЕМ ПОЮТ В КАЛЬКУТТЕ...

Это было в Калькутте. Мы вошли в большую комнату, метров сорок квадратных. На полу лежала дешевенькая подстилка, и на ней сидели молодые деятели индийского театра. Мы поднялись на невысокие подмостки напротив своих слушателей. Большущие глаза юношей и девушек широко раскрыты: они стараются как можно лучше нас рассмотреть. Эти люди ожидают от нас рассказов о чудесной нашей жизни. Они любят нас за то, что мы из страны, о которой мечтают, что мы посланцы того человека, который указывает дорогу к счастью. На стене портрет товарища Сталина.

Нас знакомят со слепым певцом народных песен — Тагором Адьянкари. Это человек лет тридцати, одетый в синюю рубашку, с лицом, изрытым оспой, которая и была причиной его несчастья. Он ласково улыбается нам, когда называют его имя, и приветствует нас, повернувшись немного не в ту сторону, как это бывает со слепыми. Бывший крестьянин, он теперь один из лучших исполнителей народных мелодий. Аккомпанируя себе на двухструнной домбре-тутаре, он поет и вкладывает в песню всю душу. Он поет о природе, о чудесной и богатой индийской земле. Но все-таки эта песня звучит для нас лишь повторением тех грустных, заунывных напевов, которые мы уже много раз слышали, разъезжая по стране.

Но вот высокий юноша, сидящий сбоку от нас и ведущий сегодняшнюю встречу, объявляет: «Песня о мире. Вот ее автор—Чаудри».

Молодой человек, с маленькими черными усиками и длинными волосами, отброшенными назад с большого лба, худощавый, небольшого роста, сидит на полу около инструмента, который напоминает маленькую фисгармонию, немного больше баяна. Левая рука музыканта двигает заднюю стенку, которая служит мехами, а правой, одним пальцем, наигрывается мелодия. Клавиатура небольшая: две, две с половиной октавы.

...Чаудри на секунду задумывается, уйдя в себя. Потом, подыгрывая на фисгармонии, он начинает петь небольшим, но выразительным и ясным голосом.

Чаудри поет, как бы вслух переживая свой рассказ, он волнуется и отдается своему чувству. Глаза его то грустят, то загораются негодованием, то улыбаются. Он поет о том, что индийский народ хочет мира, что он готов бороться за мир, что народ не позволит начать новое избиение человечества. Каждая фраза певца хором подхватывается молодыми юношами и девушками, сидящими против нас. И песня идет в нарастающем темпе, в сложном и часто меняющемся ритме. Для нас, привыкших к минорному, однообразному звучанию индийских песен, эта песня была откровением. Это было нечто новое по сложности построения, по многоголосию и, главное, по манере исполнения. И при всем этом песня сохраняла, бережно несла в себе народный колорит.

Несколько минут молчания — и в комнате звучит хоровая песня о борцах за независимость страны. В 1918 году в Амритсаре отряд бойцов за свободу Индии был окружен в мечети и сожжен английскими солдатами. О подвиге своих соотечественников хор пропел песню, сильную и мужественную. Она звучала как призыв, как клятва быть мужественными продолжателями этой патриотической борьбы...

«Песня об объединении народов»... Ее тоже написал Чаудри. Люди жили мирно, поется в песне, жили дружно и спокойно. Но пришла злая сила, и разделила народы, и посеяла вражду между ними. И вот теперь люди начали борьбу за то, чтобы опять объединиться.

Потом мы слушаем песню того же композитора на слова поэта Незрум Ислама о юношах — борцах за свободу родного народа, брошенных в темницу. Песня растет и ширится, она призывает людей бороться, освободить сынов народа из заключения. Сильная песня, написанная в быстром темпе, постепенно, к концу, еще более ускоряющемся.

Иногда Чаудри просто выкрикивает отдельные слова песни, хор подхватывает их, как бы повторяя лозунги. Вот раздается ритмический смех Чаудри — и сейчас же хор повторяет его мощно и грозно. Это юноши смеются над своей тюрьмой, где они заключены! Смех повторяется в песне неоднократно, и всякий раз мы вздрагиваем от охватывающего нас волнения...

Теперь гостеприимные хозяева хотят послушать нас. Они спрашивают, как идет музыкальная жизнь в Советском Союзе. Они просят рассказать, как русские композиторы использовали и используют в своем творчестве замечательную народную музыку. Мы отвечаем, а они готовы спрашивать еще и еще, эти славные, горячие люди.

Как они слушали нас! Вся аудитория словно превратилась в одного человека...

Хорошие люди сидят с нами: молодые, искренние, честные. Велик народ, у которого родятся такие сыновья и дочери...

ЕЩЕ ВСТРЕЧИ, ЕЩЕ ПЕСНИ...

Утром где-то на краю города, в маленькой киностудии, мы встречаемся с работниками кинотеатров и киностудий Калькутты.

Ворота студии, в которые мы въехали, были украшены красным кумачом,— это было самое нарядное и дорогое, что мы видели в этом месте. Павильон, где проходила встреча, на редкость убог и беден: это большой каменный сарай, обитый старой, грязной мешковиной. Теперь он уставлен стульями.

Нас приветствует устроитель собрания выдающийся индийский киноактер Бхаттачария. С теплой улыбкой он вспоминает о том, как встречали его и его товарищей по индийской делегации в Советском Союзе:

— У вас в Советской стране мы казались себе скромными стекляшками, вставленными на время в замечательную драгоценную оправу. Теперь, когда мы смотрим на советских людей, присутствующих здесь, мы видим, что это драгоценные камни — настоящие, подлинные бриллианты — и что вставлены они в бедную и скромную оправу.

Потом на сцену вышли молодые актеры из Ассоциации народного театра. Тут же с ними наш знакомый, так полюбившийся нам композитор Чаудри. И снова мы словно плывем по волнам сильной и своеобразной музыки, снова мы увлечены талантливым исполнением.

Первая песня рассказывает о всенародном движении 1906 года. Боевая, крепкого ритма мелодия, она словно создана для того, чтобы ее петь на народных демонстрациях, протестующих против иностранного гнета. Это песня-призыв к борьбе за право быть человеком, и именно так ее и исполняли певцы, и такое впечатление она оставила у нас, уже сроднившихся с этими мелодиями борьбы и надежды.

Потом началась хоровая песня носильщиков паланкинов — большое и сложное музыкальное произведение с разнообразным и необыкновенно волнующим ритмом.

Вот пустились в путь носильщики, они идут крупным и ровным шагом. Они идут и идут по дороге и тяжести почти не замечают. Но дорога дальняя, а богатый человек, сидящий в паланкине, хочет скорее быть у цели путешествия. Носильщики должны ускорить свой шаг. «Скорей, скорей!» Груз сильнее оттягивает руки, а солнце печет все беспощаднее и злее. И люди начинают уставать. Нет, они все еще быстро движутся по пыльной дороге, но чего стоит эта быстрота!

Дорога далека, и солнце беспощадно, а господин в паланкине торопится и злится. Надо идти быстрее, надо, но нет сил. Сердце готово выскочить из груди, ноги едва переступают. Но идут носильщики, идут и идут.

Все медленнее и тяжелее их шаг. Но они идут и несут свою ношу, и наконец совсем смолкает звук их шагов, и растворяются где-то в знойной дали страдание и гнев большого народа...

Может быть, это не совсем точное изложение содержания сюиты,— мы не знали языка, но музыка нарисовала нам эту картину. Мы вспомнили «Бурлаков» Репина. И два стона народных как бы откликнулись друг другу в нашей душе.

О музыке композитора Чаудри должен был бы писать музыкант, способный оценить ее достоинства. Но даже и неспециалист почувствует его большой и яркий талант. Крупное дарование счастливо сочетается в нем с горячим и отзывчивым сердцем. Чаудри неразрывно связан со своим народом и своей музыкой старается служить ему. Вооружая людей своей родины боевой песней, он вместе с ними борется за будущее тех, кто трудится, за счастье своей большой, красивой, многострадальной земли.

После этих прекрасных песен мы смотрим танцы в исполнении молодых артистов. Они полны драматизма и в то же время пластичны. Темп их энергичен, но каждое движение выразительно и закончено. В одном из танцев изображается крестьянский труд в поле, и изображается так, что нам, необычным зрителям, было совершенно понятно содержание этого рассказа. И в то же время мы смотрим именно танец, а не пантомиму, как это много раз приходилось нам видеть в индийских танцевальных представлениях на классические сюжеты. Здесь классический танец нельзя отделить от народного. Выразительный жест служит для изображения жизненного, бытового.

Так в Индии, стране древнего классического искусства, рождается искусство новое, народное. Оно рождается, растет, оно дает все новые молодые побеги, и в нем отражение того пробуждения народа Индии, которое началось и которое уже не остановить никому.

Члены советской делегации на встрече с кинодеятелями Индии. Слева направо: артисты Н. Архипова, В. Марецкая и руководитель делегации заместитель министра кинематографии СССР Н. Семенов.

Иосиф Виссарионович СТАЛИН с детьми на Всесоюзном параде физкультурников в 1947 году. →

МОСКВА — СТОЛИЦА
НАШЕЙ РОДИНЫ
Фото Н. Петрова

Кадры из художественно-документального фильма «Мы за мир».

Колхоз «Путь к коммунизму». Начался сверхранний сев хлопчатника.

Фото О. КНОРРИНГА

ДЕНЬ СТЕПНОГО РАЙОНА

Сакский район — степная часть Крыма. Климат здесь не такой мягкий и влажный, как на южном побережье, лето сухое и жаркое. Апрельский день в Сакском районе не радует весенним солнцем, а ветер дует так яростно, что свежая борозда мгновенно покрывается серым налетом пыли.

Весна в степной части Крыма лишена ярких красок, наступает она позже обычного, но сев колосовых закончили здесь 22 марта. В этом году его провели за шесть дней! Уже покинул колхозные поля самолет — с него производилась подкормка озимых,— идет вспашка паров, посадка лесных полос.

В белых домиках под красными черепичными крышами днем трудно найти кого-либо из колхозников. Кто в поле, кто на свиноводческой или молочной ферме, кто занимается подготовкой рассады, кто на птицеферме, кто в саду. У всех много дела.

На полях колхоза «Красная заря» идет посадка новой лесной полосы. Неподалеку отсюда полоса рождения 1949 года. Абрикосы, клены, тамариск, желтая и белая ака-

Колхоз имени И. В. Мичурина. Колхозница Т. Г. Резниченко готовится к празднику. По издавна заведенному порядку перед праздником производится не только внутренняя, но и наружная побелка дома.

Почтальон Г. А. Кочерга ежедневно выходит с полной сумкой. Много места в этой сумке занимают газеты и журналы, которые выписывают колхозники.

Первый выход в свет...
Хороши питомцы свиновода П. Н. Медведева из сельскохозяйственной артели имени И. В. Мичурина. В прошлом году он получил по 23 поросенка от каждой свиноматки (фото слева).

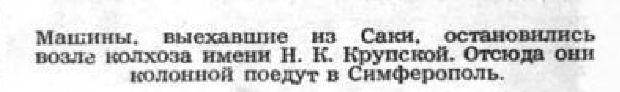

В сакские и евпаторийские санатории ежедневно поступают ранние овощи: огурцы, помидоры, лук, редиска, укроп и салат. В этом году совхоз «Саки» дает санаториям 600 центнеров парниковых овощей.

На снимке: работницы совхоза Аня Щербакова (слева) и Нина Еременко собирают редиску.

←
В колхоз имени М. И. Калинина приехала культорганизатор Симферопольского драматического театра Т. А. Борисова (в центре). Идет продажа театральных билетов в тракторной бригаде.

Машины, выехавшие из Саки, остановились возле колхоза имени Н. К. Крупской. Отсюда они колонной поедут в Симферополь.

ция, тутовник образовали заслон от свирепых засушливых ветров.

Каждый колхоз Сакского района — большое и сложное хозяйство, с молочно-товарными, свиноводческими и птицеводческими фермами, виноградниками, парниками и питомниками, где выращиваются саженцы для плодовых садов. И в каждом колхозе есть свои новаторы, передовики сельского хозяйства.

Звеньевая хлопководческой бригады колхоза «Путь к коммунизму» Евдокия Дмитриевна Новикова в прошлом году собрала по пятнадцать центнеров хлопка с гектара. Зимой вместе с хлопководами Крыма она ездила в Москву, где встретилась с президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук Т. Д. Лысенко. Вернувшись домой, Евдокия Дмитриевна взяла обязательство собрать в этом году по семнадцать центнеров хлопка с гектара.

Долго и тщательно готовила она участок для сверхраннего посева хлопчатника. Все было сделано по правилам агротехники, но когда шестирядная зернохлопковая сеялка, наполненная пушистыми семенами, тронулась в путь, Евдокию Дмитриевну охватило привычное волнение, как всегда в первый день сева.

Весенняя пора давно перестала быть периодом наивысшего напряжения физических сил. Механизация сельского хозяйства освободила колхозников от тяжелого труда. У старожила этих мест директора Сакской МТС Николая Васильевича Деркачева сохранилось воспоминание о временах, когда он неделями не вылезал из машины и за время сева отращивал себе солидную бороду. Сейчас работа шла по тщательно продуманному плану и твердому графику.

В разгар полевых работ в библиотеке колхоза имени М. И. Калинина провели читательскую конференцию. Около трехсот колхозников приняло участие в обсуждении книги К. Львовой «На лесной полосе». Доклад сделал агроном колхоза Павел Александрович Ткаченко. Здесь же, на конференции, говорилось о том, что свою лесную полосу необходимо срочно расчистить, подсадить новые саженцы. Читательская конференция приобрела большое практическое значение.

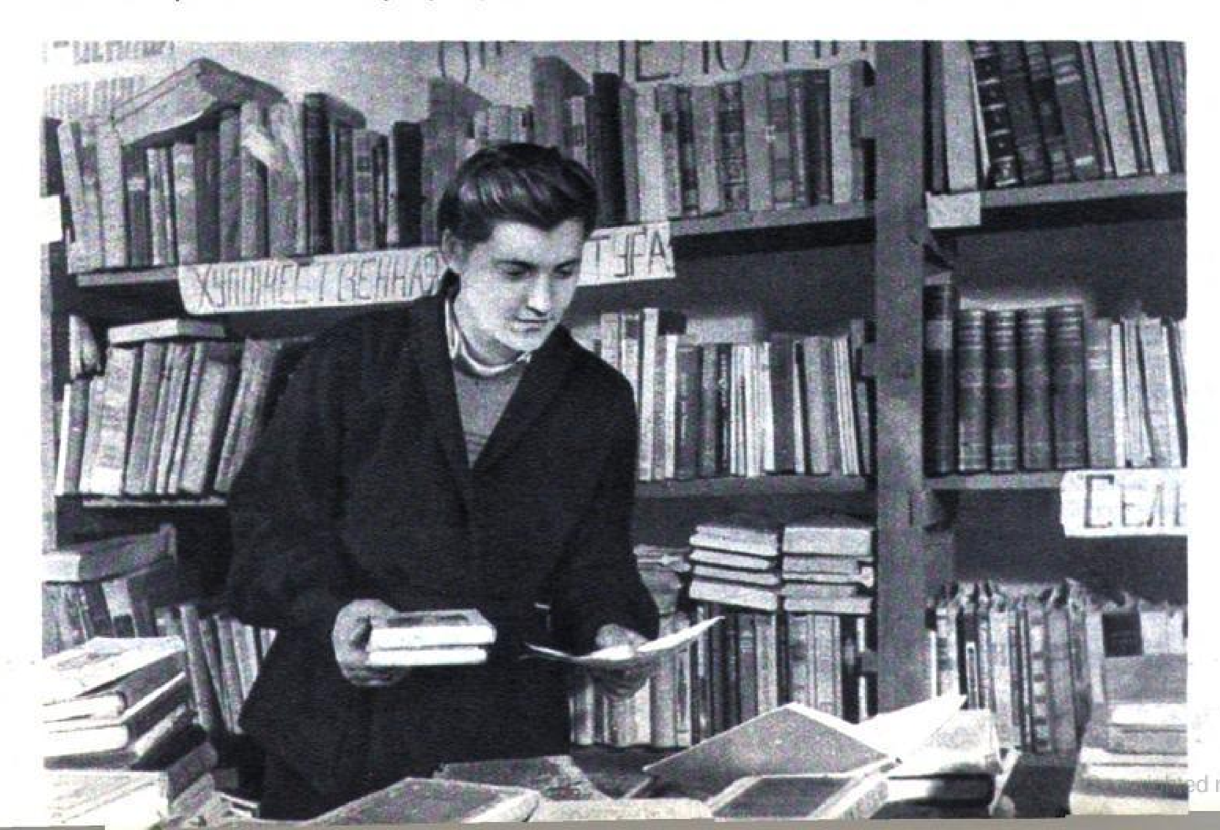
В тракторной бригаде, занятой вспашкой паров, мы встретили культорганизатора Симферопольского драматического театра Татьяну Алексеевну Борисову. Она привезла трактористам билеты на спектакль. Дружба колхозников Сакского района с областным драматическим театром началась в прошлом году. С тех пор Борисова — частый гость в колхозных бригадах. В нынешнем сезоне колхозники посмотрели «Незабываемый 1919-й», «Грозу», «Поют жаворонки», «Калиновую рощу».

В Симферопольском театре на представлении «Ревизора».

В этот апрельский день из Сакского района в Симферополь машины направились в разное время. Раньше всех выехали из колхоза имени М. И. Калинина. До спектакля они побывали в Историческом музее.

Вечером все встретились в театре, где колхозники смотрели бессмертную комедию Гоголя «Ревизор».

М. СМЕЛЯНСКАЯ

В библиотеке колхоза имени М. И. Калинина. На снимке: библиотекарь Н. К. Прилипко подбирает литературу для полевых бригад.

Рисунок О. Георгиева

В моей стране весна

Пабло НЕРУДА

О Чили, длинный лепесток
из волн, вина и снега,
когда,
когда же, о, когда,
когда
с тобой я снова встречусь,
ты захлестнешь меня
своею пеной, белою и черной,
и отпущу мои стихи на волю
над всей твоей землею? [1]

Есть люди:
наполовину — рыба и наполовину — ветер,
и есть другие — как вода.
Я сделан из земли.
Иду по свету
и радуюсь все чаще,
мне каждый город говорит о новой жизни,
рожденье мира вижу.
Но если в Лоте дождь идет [2],
то дождь идет и надо мною,
и если в Лонкимае снег
скользит по листьям,
то снег идет и там, где я.
Зерно Каутина прорастает сквозь меня.
Араукария есть в Вильярике у меня.
Есть у меня песок на севере далеком.
Есть золотая роза в Сан-Фернандо.
И ветер, разбивающий сейчас
волну в Вальпараисо,
бьет в грудь мою
с надтреснутым звучаньем,
как если б сердце там, в Вальпараисо,
окном разбитым было.

Вот наступил октябрь, прошло так мало
с тех пор, как прошлый уходил октябрь,
что кажется мне, будто целый год
на неподвижное глядел я время.
Здесь осень. Проезжаю
сибирскими степями,
и день за днем все желтое вокруг,
деревья и заводы,
земля и все, что создал новый человек:
сегодня — золото и алый пламень,
а завтра — необъятность, снег и чистота.

В моей стране весна [3]
приходит с севера на юг, благоухая;
она, как девушка,
над черными камнями у Кокимбо,
над берегом, от пены пышным,
летит, босая,
к изрезанным архипелагам.

Но не одной землей, весна,
меня к себе ты манишь.
Ведь я не одиночка.
Родился я на юге. Вывез
с границы одинокую надменность
последнего индейского вождя.
Но Партия велела мне сойти с коня,
я стал таким, как все простые люди,
пошел по берегам песчаным и горам,
любя и открывая жизнь.

Народ мой, правда, что весною
мое ты слышишь имя
и узнаешь меня,
как если бы я был рекою,
бегущей у твоих ворот?
Да, я — река. И если
прислушаешься в шахтах под землею
в Антофагасте или
к земле приложишь ухо
на юге от Осорно,
в горах у Мелипильи,
в Темуко, ночью, —
а звезды влажны, зябнок лавр, —
услышишь, как бегу я,
как под водой пою.

Октябрь, весна, верни меня
народу моему!
Как жить мне и мужчин твоих не видеть
и девушек,
как жить и не поднять на плечи
надежды общей долю,
как жить и не шагать со знаменем, —
его один передает другому
в рядах борьбы великой нашей, —
и вот оно пришло ко мне.

О Родина, о Родина,
о Родина, когда,
когда же, о, когда,
когда
с тобой я снова встречусь?
Далеко от тебя
остался я с твоей землею,
твоим остался человеком;
и вот опять весна проходит.
Но ты меня наполнила цветами,
иду, — над головой твоя победа, —
в тебе живут мои, как прежде, корни.

Когда же
с твоей суровою весной я встречусь,
как сыновья твои, и вместе с ними всеми
пойду я по полям и улицам твоим
в моих ботинках старых;
когда же
пойду с Элиасом Лаффёрте [4]
по золотистой пампе;
когда же я прижму к твоим губам,
чилийка, та, что ждешь меня,
мои обветренные губы;
когда же
приду я на партийное собранье
и сяду рядом с Педро-кочегаром, —
его не знаю я, и все же
он брат мне больше, чем мой брат;
когда же
меня от сна пробудит
зеленый шум твоей морской одежды;
когда же, Родина, в день выборов пойду
из дома в дом и буду собирать
не голоса — пугливую свободу,
чтобы крикнула на улице она;
когда же, Родина,
ты станешь мне женою
с глазами, как волна, и в шапке снеговой,
и наши дети новые — их будут миллионы —
голодным землю отдадут?

О Родина, откинь лохмотья,
весна моя,
когда же,
когда же, о, когда
проснусь в твоих объятьях,
пропитан морем и росою;
когда же буду я с тобою вместе, —
никто тебя коснуться не посмеет,
я защищу тебя
своею песней, —
когда
пойдешь со мною ты, когда
пойду с тобой, когда,
когда же?

Перевел с испанского
О. Савич

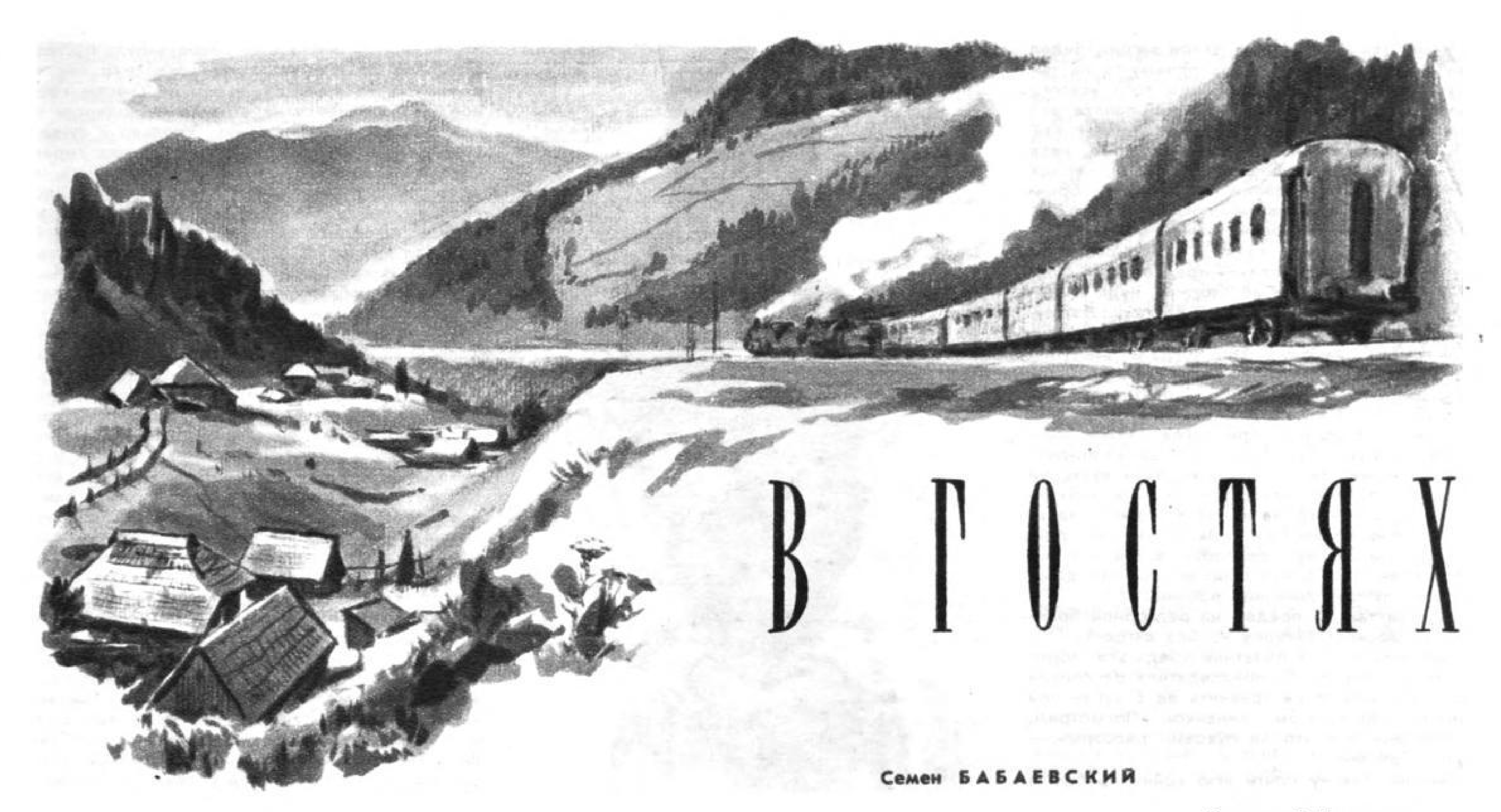
---

[1] Чилийская народная поэзия знает бесконечное количество любовных песен, в которых варьируется, по существу, один и тот же вопрос: «Когда я тебя увижу? Когда мы встретимся? Когда мы будем вместе?» Неруда использует эту народную форму.

[2] Лота, Лонкимай, Каутин, Вильярика, Сан-Фернандо, Вальпараисо, Кокимбо, Антофагаста, Осорно, Мелипилья, Темуко — города в Чили.

[3] Чили находится в Южном полушарии, и весна там соответствует по времени нашей осени: экватор расположен от Чили на севере, Антарктика — на юге, и потому со словом «север» связано представление о тепле, а со словом «юг» — о холоде.

[4] Элиас Лафферте — старейший по возрасту из руководителей Чилийской коммунистической партии.

В ГОСТЯХ

Семен **БАБАЕВСКИЙ**

Рисунки В. Высоцкого

Мы печатаем главу из нового романа С. Бабаевского «Знамя жизни», который завершит трилогию о Сергее Тутаринове и его станичных друзьях. В романе будет описана поездка советской делегации в Румынскую Народную Республику. В составе делегации председатель усть-невинского колхоза имени Буденного Стефан Петрович Рагулин, известный читателям по романам «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей».

Группами и в одиночку советские гости разъехались по городам и селам страны. Стефан Петрович Рагулин был приглашен посетить коллективное хозяйство «Виктория».

Стефан Петрович Рагулин ехал в поезде по горному ущелью. Он не только не предполагал, но даже подумать не мог о том, что первое его знакомство с румынскими крестьянами будет не на равнине, а в горах, и в таких горах, которые очень похожи на те, среди которых Стефан Петрович прожил много лет.

Наступило утро, а небольшой, куцый поезд с двумя паровозами все так же набирал скорость и, тяжело пыхтя, застилал себя черным дымом из двух труб и с разбегу взбирался на подъем, снова спускался на тормозах с режущим ухо писком и с резкими толчками.

Стефан Петрович, не беспокоя расспросами переводчицу Лару, молча смотрел в окно. На сердце у него было радостно оттого, что и в Румынии, оказывается, есть горы, точно такие же желто-серые, то голые, то укрытые лесом, какие стоят и в верховьях Кубани; что есть и ущелья: в них, тесно прижавшись друг к другу, растут сосны и безудержно гуляют холодные осенние сквозняки, а где-нибудь среди деревьев шишкой торчит обточенный ветрами камень, с частыми дырочками — гнездами щуров; что есть и горная река, неспокойная и шумная, со вспененными бурунами на мелких каменистых перекатах, точно такая же, как Кубань в горах, и стекаются к ней речки и речонки, быстрые и говорливые, со стеклянно-чистой, холодной и никогда не замерзающей водой; что по всей равнине вблизи гор белеют хаты, дымятся трубы на красных черепичных крышах, встречаются изгороди, верховые, отары овец, бычьи упряжки — кубанские станицы, да и только!

— И повсюду люди, жилье...— мечтательно сказал Рагулин, обращаясь к переводчице. — А спросите у старшего агронома: случаем не казаки тут проживают?

Старший агроном Еминеску, смеясь и потирая рукой низко стриженную голову, слушал переводчицу, затем что-то говорил ей, указывая в окно рукой.

— Еминеску говорит,— сказала Лара,— что жители гор хотя и не казаки, но своим веселым характером очень напоминают кубанцев. Вот вы их скоро увидите...

— Это хорошо, ежели так.— Рагулин посмотрел на Еминеску и, улыбаясь одними глазами, подумал: «Малость прихвастнул старший агроном... Во всем же свете нет людей, похожих на кубанцев, да еще тех, которые проживают у нас в горах...»

Между тем солнце поднялось высоко над горами. Поезд въехал в широкую долину и остановился на полустанке возле приземистого домика с ветвистым, видимо, горной породы, ясенем у дверей. Но не этот ясень и не домик привлекли внимание Рагулина: разве мало на свете таких полустанков и таких ясеней? Старик, заметно волнуясь и глядя в окно, еще издали увидел толпу, яркую и пеструю, как на ярмарке: шеренги бричек, тарантасов, рессорных и нерессорных, запряженных парой или тройкой лошадей, легковые и грузовые автомашины, стоявшие рядами... Люди плотным и широким кругом обступили домик, мальчуганы забрались на крышу, облепили ветви ясеня, а когда поезд подошел и тихо остановился, толпа, что-то крича и колыхаясь, окружила и вагоны и паровозы.

Покамест паровозы набирали воду, тут же состоялся летучий митинг. Гостю даже не дали ступить ногой на землю, и он стоял в тамбуре, куда битком набились пассажиры. Сюда же, к вагону, подошел и машинист, удивленно глядя на Рагулина. Ораторы поднимались на ступеньки и произносили короткие, но жаркие речи, выражая свои чувства по случаю приезда гостя из Советского Союза. Говорил и старший агроном, голосом тихим, спокойным, а Стефан Петрович в это время комкал в руках картуз и рассматривал людей. Особенно его внимание привлекла одежда мужчин. Они носили брюки из белого грубого полотна, такие узкие, что штанины торчали на ногах трубками. Рубашки, обычно вышитые на груди и на рукавах, сшиты из такого же полотна, длиннополые, чуть ли не до колен, как ночные сорочки, а поверх куценький жилет, и тоже расшитый каким-нибудь замысловатым узором. На голове как бы венцом этому наряду торчмя торчала высоченная папаха, чаще всего из обычной черной или серой овечьей смушки. У женщин — широкие, из мелких оборок юбки, такие же цветные, расшитые кофточки, с широкими у плеч рукавами, и у каждой на голове яркой расцветки косынка или раскинутый на плечах платок. «Куда там,— думал Стефан Петрович,— по наряду вижу: эти жители гор не казаки!..»

У входа в вагон стоял румын в черной курпеевой папахе, высокой и немного заломленной назад, но в таких же полотняных узеньких штанах и длиннющей рубашке под жилетом, который, очевидно, для красы, был всюду оторочен рыжим заячьим мехом. Мужчина был высокого роста, костлявый, с крепкими, но сутулыми плечами и большими руками. Его лицо, коричнево-темное, скуластое, с крупным носом и рыжими свисающими усами, очень напоминало лицо Максима Горького с того хорошо знакомого Рагулину портрета, который много лет висит у него дома над зеркалом. Но не горьковское лицо, не рыжие усы заставили Рагулина как-то по-особенному посмотреть на этого незнакомого человека. Причиной тут были глаза: светлосерые, ласковые и задумчивые, они неотрывно смотрели только на Рагулина и видели только одного Рагулина; так обычно смотрят люди, у которых и радостно и тревожно на сердце. Эти глаза как будто что-то спрашивали, о чем-то просили, но понять и эти вопросы и эти просьбы Рагулин не мог. И куда бы Стефан Петрович ни смотрел, о чем бы ни думал, а светлосерые, спрашивающие и чего-то просящие глаза усатого румына в черной папахе так и стояли перед ним...

Затем и Стефану Петровичу пришла пора выступить с ответным словом. Он вышел вперед и, держась одной рукой за поручень, а другой сжимая картуз, передал привет от усть-невинцев и со словами благодарности за такой душевный прием обратился ко всем,

кто смотрел на открытые двери вагона. Видел же Стефан Петрович опять почему-то не тысячи лиц, а только одно лицо того усатого румына в черной, колом торчащей папахе, его задумчиво-грустные, чего-то жаждущие глаза.

Когда же кончился митинг и народ, неся знамена и белея рубашками, юбками, чернея шапками, пестрой толпой направился к бричкам, к лошадям и автомашинам, чтобы ехать в село, Стефан Петрович тоже вышел из вагона. Его под руку взял и помог сойти со ступенек Никола Дэляну — председатель коллективного хозяйства «Виктория», куда и был приглашен Стефан Петрович Рагулин. Дэляну был мужчина рослый, не старый, с характером живым и веселым. Еще когда он выступал с речью, Стефан Петрович заметил в его черных, быстрых глазах блеск, характерный для людей стойких и волевых. Этот же блеск был заметен в глазах и теперь, когда Дэляну, ведя гостя под руку и улыбаясь, спрашивал по-русски, пожелает ли Стефан Петрович ехать на машине или же согласится сесть в мягкую рессорную бричку, на которой ездит председатель «Виктории». При этом Дэляну стал расхваливать и бричку и рессоры, сказав, что они мягкие, как пух, и что таких рессор нет даже в самой лучшей легковой машине.

— Если так, то поедем на рессорной бричке,— согласился Рагулин не без хитрости.

Ему хотелось на практике убедиться, хороша ли у румынского председателя рессорная бричка и можно ли сравнить ее с кубанской тачанкой или хотя бы с линейкой. «Посмотрим, посмотрим, что это за пуховые рессоры»,— думал Рагулин.

Никола Дэляну почти всю войну пробыл в плену в Советском Союзе, работал в зерновом совхозе на Волге и там научился говорить по-русски, правда, не чисто, но вполне прилично. Это радовало Рагулина. «Хорошо о деле говорить один на один, без переводчика»,— думал он.

— У вас, у русских,— говорил Дэляну, бережно ведя Рагулина под руку,— есть пословица: «Нет худа без добра». Кажется, так она говорится. Вот и со мной случилось: худо — война, плен, а добро — познание русского языка.

— Русский язык — это хорошо,— согласился Рагулин.

Тут же шел старший агроном, и Лара вполголоса переводила ему разговор двух председателей. Рагулин, поглядывая на переводчицу, хотел было сказать: «Верно, знание русского языка теперь всюду...»,— но умолчал потому, что увидел того рослого румына с рыжими усами и чего-то жаждущими глазами; он забегал наперед и, на минуту останавливаясь, смотрел на Рагулина все тем же странным, спрашивающим взглядом.

— Кто этот мужчина? — спросил он у Дэляну.

— А! Рэкицяну! — весело сказал Дэляну. — Рыжий чорт! Это же — наше несчастье...

— Почему ж так?

— Не признает «Викторию». Мужик крепкий, в селе авторитет... Главарь! — Дэляну тяжело вздохнул.— Повернуть бы его к «Виктории», а как?

В это время тройка низкорослых сытых коней, взбивая пыль, круто остановилась, и перед Рагулиным оказалась председательская бричка, расписанная узорами, на высоких колесах, с мягкими, еще шатающимися люльками. Дэляну откинул рукой ступеньки и сказал:

— Стефан Петрович, прошу!

Стефан Петрович не спеша взобрался на бричку, чувствуя под ногами, как она, точно лодка на стоячей воде, вся закачалась, наклоняясь то на один бок, то на другой. «А ничего, хороши собой рессоры у румынских бричек, хотя, по правде сказать, с нашими, что в тачанках, сравнить нельзя»,— думал Стефан Петрович, поудобней умащиваясь в люльке. Когда же он сел в люльку рядом с Дэляну и осмотрелся, а кучер — пожилой мужчина с широкой, согнутой спиной — хлестнул кнутом добрую, давно кусавшую удила и просившую вожжей тройку, как сразу же вся толпа вокруг пришла в движение и дэляновская бричка мягко поплыла по пыльной дороге. «А вот таких пуховых люлек у нас нету,— подумал Стефан Петрович без всякой зависти.— Хорошая люлька у румынских бричек!»

Поезд из бричек и автомашин, с верховыми и велосипедистами растянулся версты на две, не меньше. Впереди шумно едущего народа была бричка Дэляну. Как мы уже сказали, она не катилась, а плыла на своих исключительно мягких рессорах. Опережать ее никто не смел, даже машины: они тянулись сзади, укрытые облаком серой пыли, и шоферы, грустно глядя на запруженную пыльную дорогу, не думали прибавлять газу...

За Дэляну с гостем шумно неслись другие брички, гремели колеса, сливался в один мощный гул топот сотен лошадиных копыт; обочь дороги скакали верховые, грозные своим видом и похожие на стражу. Стефан Петрович смотрел на долину и на горы, и опять рядом с ним был Рэкицяну — тот рыжеусый румын с грустными, просящими глазами. Он ехал на коне без седла и ни на шаг не отставал от брички. Рагулин нарочно оглядывался на едущих сзади, там под ярким осенним солнцем пестрели те же красочные наряды: то разноцветные платки, кофточки так и вспыхивали на солнце, то белели вытянутые в трубку штанины,— и над всей этой растянувшейся кавалькадой папахи и папахи на головах, как гнезда грачей на качающихся от ветра деревьях.

Ни с чем, казалось, нельзя было сравнить то, что двинулось от полустанка и теперь растянулось по залитой солнцем долине; это и не свадебный поезд и не какое-нибудь пустое гульбище. И все же одно сравнение так и просилось на язык, пусть оно не совсем точное и относящееся не столько к людности и красочности самой колонны, сколько к существу дела... Так, как встречали в этих горах Стефана Петровича, люди могут встречать, а затем и с таким шиком везти в свое село лишь человека знаменитого, скажем, какого-нибудь изобретателя, но такого, который изобрел не новую машину и не новый механизм, а открыл для крестьян новую жизнь, и эта жизнь облегчает труд человека и делает бедных богатыми, несмелых смелыми, грустных веселыми, а обездоленных счастливыми. Свое новшество тот знаменитый человек уже давно применил у себя дома, испытал и проверил на практике, и тогда крестьяне всего света увидели, что в новой жизни есть для них неоспоримая выгода. Робко и несмело начали они применять опыт новой жизни и у себя, не зная хорошенько, так ли они все делают, как это нужно. И вот случилось важное событие — к ним в гости приехал практик новой жизни, и людям хотелось поскорее поговорить со знающим человеком и узнать от него, так ли у них применяется его опыт. И хотя все, кто собрался на полустанке, знали, что худощавый старик из Советского Союза не автор изобретения и не главное лицо в создании новой жизни на селе, что он является только одним из многих тысяч учеников того великого и смелого преобразователя жизни, имя которому Сталин и портреты которого они бережно несли в руках, почесть же Стефану Петровичу была великая. Казалось, если бы можно было, то народ усадил бы Стефана Петровича не в люльку рессорной брички, а на свои мозолистые руки да так бы и понес его по долине, а затем через все село.

С дороги Стефану Петровичу нужен был отдых. Это понимали и Никола Дэляну и старший агроном, и все же, как только шумный поезд въехал в село, гостю начали показывать недавно отстроенный в центре села клуб: стены возведены из серого камня, крыша белая, из дранки.

— В этом клубе,— говорил Дэляну,— вечером соберется вся «Виктория», и тогда мы поговорим обо всем... А теперь еще прошу хоть одним глазом взглянуть вон туда...

И гостя повели за село, где было начато строительство общественных коровников.

— Дело идет в гору,— хвалился Дэляну, поглядывая своими быстрыми, веселыми глазами на новостройку.— В этом году, Стефан Петрович, в нашей «Виктории» будет все село! И Рэкицяну придет к нам!

— Торопитесь? — спросил Рагулин, хитро скосив глаза.

— А как же! Вы же торопились? — Дэляну весело посмотрел на старшего агронома и повторил этот вопрос по-румынски.

— Мы были одни, и нам нельзя было медлить,— сказал Рагулин, поглаживая ладонью влажную лысину. — А вы нынче не одни... И главное для вас — показать крестьянам выгоду коллективного труда... Тот рыжий усач ходит вокруг вашей «Виктории» да присматривается. А почему? Середняк, боится прогадать.— Рагулин протер платочком уставшие мокрые глаза и посмотрел на людей, как бы желая увидеть среди них рыжеусого.— А почему боится? Потому что ему с «Викторией» не в жмурки играть, а придется свою судьбу с ней связать навеки... Вот тут и не следует торопиться. Покажите на примере, что в «Виктории» мужику жить лучше, и Рэкицяну будет у вас. Да и не только он. Пример — великая сила!

Стефан Петрович похвалил будущие коровники, посоветовал увеличить оконные просветы, и толпа снова направилась по улице к зданию «Виктории» в центре села; вход был украшен знаменами и красными полотнищами. Дорогой Стефан Петрович рассказывал Николе Дэляну об организации труда животноводов в Усть-Невинской. В это время люди почему-то остановились возле обнесенного каменным забором двора с настежь раскрытыми воротами. Остановились они потому, что из ворот вышел Рэкицяну с женой; полная, с крупным лицом женщина держала на руках ребенка, а две белокурые девочки с коротенькими косичками прижались к материнской

юбке. Рэкицяну снял шапку и поклонился людям, а следом за ним, прижав к груди ребенка, поклонилась и жена.

Лара, неотступно бывшая возле Рагулина, шепнула ему на ухо:

— Подворье Рэкицяну.

И пока Рэкицяну, обращаясь то к Дэляну, то к старшему агроному, о чем-то взволнованно говорил, Рагулин не без интереса осматривал рэкицяновский двор. Был он просторный, в глубине его на высоком фундаменте стоял дом, стены грязносерые, крыша из дранки, старой, давно потемневшей и теперь имевшей цвет дубовой коры.

Во всем большом доме Стефан Петрович насчитал только четыре окна, тоже небольших, с серыми занавесками. «Маловато света,— подумал он, рассматривая постройки.— Из этих оконцев далеко не увидишь...»

Под такой же старой, местами уже прогнившей крышей была и конюшня — здание длинное и широкое, но очень низкое, точно врытое в землю. Двери были раскрыты, и Стефан Петрович увидел лошадей, которым молодой рослый парень (видимо, сын Рэкицяну) принес охапку сена. В сторонке стоял навес, там хранился всякий хозяйственный скарб: и плуги, и брички, и сеялки, и какие-то бочонки, и ведра, висевшие на крайней перекладине, и деревянные бороны, и какие-то палки, доски, обрывки веревок. «Бережливый хозяин»,— одобрительно подумал Стефан Петрович, с интересом, как в музее, рассматривая двор единоличника...

От навеса тянулись постройки поменьше, но все под той же угнетающе-скучного цвета крышей: курник, возле которого грелись на солнышке крупные серые и желтые куры; деревянный, грязный от времени саж для свиней, в котором лежал на соломенной подстилке и чуть слышно хрюкал и стонал уже откормленный кабан; погреб с высокой, как столб, вытяжной трубой на земляной горбатой крыше и наглухо закрытыми, горизонтально лежащими дверями, на которых сидели две рыжие мордастые собаки и со злым, собачьим любопытством смотрели на нежданных гостей.

Подворье Рэкицяну напоминало Стефану Петровичу что-то очень знакомое, но уже далекое и забытое. Он смотрел на конюшню и на лошадей, которые с хрустом на крепких зубах ели сено; смотрел на аккуратно сложенный под навесом инвентарь и все то, что в хозяйстве всегда сгодится; смотрел на курник, на погреб и даже на рыжих собак, а сам понимал: он видел здесь себя, свой двор и все то, что давным-давно было единственной целью его жизни, его радостями и горестями. Он смотрел на раскустившуюся и пустившую глубоко корни чужую собственность и с тревогой ждал: а может быть, шелохнется в его груди омертвевший червяк и знакомой болью защемит сердце... Нет, нет, сердце было спокойным, и Стефан Петрович обрадовался. «Так, так, значит, все это меня уже не тревожит,— думал он.— Я как тот человек, которому сделали прививку от заразной болезни, могу спокойно, не боясь заболеть, находиться среди больных».

Стефан Петрович слышал громкие голоса о чем-то споривших Дэляну и Рэкицяну, а сам думал о том, какой же не то чтобы странной, непонятной или незначительной, а совершенно чужой показалась ему жизнь за этим каменным забором.

— О чем спор? — спросил он у Лары.

— Рэкицяну просит вас к себе обедать,— тихонько сказала Лара.

— Меня? — удивился Рагулин.— Так чего же он вроде сердится?

— Это он сердится на Дэляну,— еще тише прошептала Лара.— Дэляну не желает, чтобы вы обедали у единоличника. Для вас обед приготовлен в «Виктории».

— Послушай, Никола Дэляну,— сказал Рагулин, положив руку на плечо председателя «Виктории».— Скажи Рэкицяну, что я очень и очень ему благодарен за приглашение, но что мне как председателю колхоза приятнее отобедать в «Виктории», она мне как бы сродни! — Рагулин добродушно посмотрел на рассерженного, с багряным лицом Рэкицяну, и глаза их на секунду встретились.— Хотя, признаться, давненько я не обедал у единоличника. Ну, ничего, мы у него еще пообедаем.

Когда Лара перевела последние слова Рагулина, все рассмеялись, улыбнулся и старший агроном, как бы говоря своей улыбкой, что и он тоже не против того, чтобы пообедать у Рэкицяну, но что нельзя же обижать и членов «Виктории». А Рэкицяну, видя веселые лица, без переводчицы понимал, что гость из России не посидит у него за столом. Теперь он уже молчал и злыми, горящими глазами косился на Дэляну.

— Дэляну,— сказал Рагулин,— пригласи Рэкицяну на обед в «Викторию».

— Не пойдет,— ответил Дэляну.

— А ты из вежливости пригласи.

Дэляну стал приглашать Рэкицяну, и в толпе воцарилась тишина. Все ждали, что же ответит Рэкицяну. Выслушав Дэляну, он лишь горестно усмехнулся, сердито смял усы и что-то негромко ответил.

— Я так и знал,— сказал Дэляну по-русски.— Говорит, что ему незачем идти к чужому столу, когда у него свой давно накрыт... Ну, пойдемте!

Коллективисты, уже забыв о Рэкицяну, разговаривали о чем-то своем, направляясь по улице, а Рэкицяну с женой еще долго стояли у раскрытых ворот и с грустью смотрели на дом «Виктории» и на те знамена, что чуть колыхались на ветру.

Посреди большой комнаты были накрыты столы, стоявшие буквой П. Никола Дэляну и Стефан Петрович заняли места в центре, а вокруг столов уселись почти все члены «Виктории». Дэляну встал и, весело поглядывая на коллективистов, представил Стефану Петровичу своих бригадиров, двое мужчин поднялись и чуть наклонили чубатые головы. Затем Дэляну называл фамилии то заведующих фермами, то бухгалтера, то членов правления; из-за стола подымались женщины, мужчины, кивком головы здоровались с Рагулиным. После этого Дэляну попросил всех встать и выпить за здоровье гостя, за дружбу советского и румынского народов, и обед начался.

На столах чего только не было: и вишневка в графинах, и вино в кувшинах, и свиной холодец в глиняных мисках, и нарезанное крупными кусками сало, и жареная в кастрюле баранина, и разные соленья, и даже форель, видимо, специально ради такого случая пойманная в горной реке и зажаренная в сливочном масле. Одним словом, обед был обильный и сытный. Люди пили вино, охотно ели, еще более охотно и много говорили обо всем, о чем обычно говорят, когда принимают в доме гостя.

Никола Дэляну угощал Стефана Петровича вишневкой и расспрашивал о погоде в верховьях Кубани, о способах посева кукурузы в горах, о породе скота, о строительстве усть-невинской ГЭС, и его повеселевшие глаза блестели радостью. Стефан Петрович отвечал подробно, а сам почему-то думал о Рэкицяну, и он видел его рыжие свисающие усы, ласковые, чего-то просящие глаза. «Надо было бы уговорить его придти... Видно же, что в душе у него неспокойно, я-то знаю, откуда это беспокойство...»

— Слышишь, Никола, а жаль, что Рэкицяну сюда не пришел,— сказал Рагулин.

— И чего о нем жалеешь? — Дэляну наполнил рюмки вишневкой.— Не пришел, и чорт с ним! Давайте выпьем за успехи «Виктории»!

— Выпить за успехи можно,— задумчиво проговорил Рагулин.— Только тебе, Никола, надо бы знать, как Сталин учит относиться к таким людям, как Рэкицяну... А у Сталина глаз на нашу жизнь очень верный.

— Как же он учит?

— Не терять дружбу с середняком. Рэкицяну стоит на распутье: и к вам свернуть боится, и оставаться одному страшно.

— Да что ж, его на руках носить, что ли? — со смехом спросил Дэляну.

Стефан Петрович хотел сказать, что никого на руках носить не надо, как в дверях вдруг появился Рэкицяну, сурово, исподлобья глядя на людей. Все посмотрели на него, с минуту в комнате было тихо. Стефан Петрович легонько толкнул Дэляну в бок, тот встал, подошел к Рэкицяну, взял его под руку и, о чем-то разговаривая с ним, усадил за стол рядом с собой.

Рэкицяну был молчалив. Ел мало, пить отказался, лишь пригубил стакан, и все время смотрел на Стефана Петровича ласковыми светло-серыми глазами. Когда же обед подходил к концу, Рэкицяну поднялся и, волнуясь и краснея, попросил слово.

— Сельчане,— сказал он, еще больше волнуясь и комкая в кулаке усы,— позвольте мне спросить у гостя из России.

— О чем? — строго спросил Дэляну и тут же заговорил с Рагулиным по-русски, спрашивая, согласен ли он побеседовать с Рэкицяну.

— Пусть спрашивает, — согласился Рагулин. — Он же за этим и пришел.

— Стефан Петрович, — заговорил Рэкицяну, — правда, что вы когда-то имели свое богатое хозяйство?

— Да, это правда.

Рэкицяну вынул из кармана огрызок карандаша, маленькую, очень потертую книжечку и, слушая переводчицу, что-то быстро записал, сердито шевеля усами. Затем бросил писать и спросил:

— Какое ж у вас было хозяйство, когда жили единолично?

— Одних быков две пары.— Стефан Петрович вспомнил своих серой масти быков, высоких, рогатых, и с гордостью сказал: — А быки-то такие, что, бывало, запрягу в плуг, покажу кнут... Да! И лошади были, тоже хорошие лошади.

— И все отдали?

— До единой головы.

Послышались голоса, смех:

— Вот так надо жить, Рэкицяну.

— Куда там ему!

— Он же все примеряется, прицеливается.

— А как же! Выгоду ищет!

— Гадает, где получше!

— Ох, как бы не прогадал!

Рэкицяну комкал в кулаке усы, кусал рыжий кончик, лицо его багровело, и он, не отвечая на реплики и как будто не слыша их, что-то записывал в книжечку.

— Значит, у вас сейчас ничего нет? — спросил он.

— Вы хотите знать, есть ли у меня собственность?

— Вот-вот...

— Есть,— с улыбкой отвечал Рагулин.— Без собственности крестьянину трудно жить. Есть дом, корова, свиньи, птица... Да только в жизни не это у меня главное.

Рэкицяну опять стал записывать, сопел, смешно раздвигая усы.

— А как же быки, лошади? — вдруг спросил он.

Снова послышался смех. Стефан Петрович с грустью посмотрел на усатого румына и подумал: «Я ему «отче наш», а он мне «от лукавого...» Нет, что тут не толкуй, а на уме у него одно — быки, лошади...»

— Что ж быки, — вежливо ответил Рагулин. — Пахали землю, сеяли пшеницу...

Стефан Петрович смотрел на своего собеседника и по его суровому лицу, по горестному взгляду ласковых глаз понимал, что Рэкицяну хотелось поговорить еще о многом, но мешали и возгласы и смех. А тут еще кончился обед, и Дэляну сказал:

— Ну, чего ты пристал с расспросами, дай человеку с дороги отдохнуть.

И Дэляну предложил Стефану Петровичу пройти в соседнюю комнату: там стояла убранная кровать с двумя высокими подушками. Стефан Петрович только прикоснулся щекой к прохладной и удивительно мягкой подушке и сразу уснул. Ему казалось, что спал он всего лишь несколько минут. Он приоткрыл отяжелевшие и немного припухшие веки. Солнце опустилось так низко, что уже смотрело в окно и заливало всю комнату красным светом. Стефана Петровича удивило то, что у изголовья кровати на низеньком стульчике сидел Рэкицяну. Лицо у него было еще более печальное, как у человека, сердце которого гложет тоска, свисающие усы в лучах заходящего солнца сделались не рыжими, а буро-красными, как будто их густо посыпали кирпичной пылью... Тихонько вошла Лара и сказала:

— Стефан Петрович, Рэкицяну еще хочет вам что-то сказать...

Рэкицяну поднялся, и Стефан Петрович, видя его морщинистое, суровое лицо, снова мысленно представил себе и каменный забор, и конюшню, и дом с крохотными оконцами, и погреб, на котором сидели собаки. Теперь Стефана Петровича удивляло и не радовало то, что в этом румынском селе он встретился не с Рэкицяну, а с самим собой, с тем Стефаном Рагулиным — единоличником, который давно уже умер и о котором теперешний Рагулин успел забыть. И удивляло Стефана Петровича как раз не то, что такая встреча с прошлым состоялась за границей и что она нисколько его не обрадовала, а то, что только теперь он как-то по-особенному остро почувствовал, как же далеко ушел от той жизни, которой живет Рэкицяну. Ему вспомнилось, как в детстве мать ставила его спиной к притолке и делала ножом метку на дверном откосе вровень с головой. Через год над той меткой ставилась новая, и все видели, что мальчик растет да растет. «Вот тут я и увидел свою старую-старую метку,— думал Рагулин, глядя на Рэкицяну.— И как же высоко я поднялся над той меткой, подрос!»

— Стефан Петрович! Болит у меня вот тут,— и Рэкицяну положил широкую, натруженную мозолями ладонь на грудь.— Посоветуйте, как мне быть.

— В чем же нужен мой совет? — спросил Рагулин, подойдя к Рэкицяну и предлагая ему сесть.

— Я хочу жить так, как жил... Один, без никого.

— Одному, без людей жить трудно.— Стефан Петрович задумался, подождал, когда Лара кончила переводить.— Да и есть ли для вас в этом выгода? Вот о чем следует подумать.

— Так что же вы советуете?

— Более двадцати лет тому назад,— сказал Рагулин,— и мне нужен был точно такой же совет. И мне его дал один человек...

— Кто же он, тот человек? — глаза у Рэкицяну заблестели.

Рагулин с улыбкой посмотрел на усатого румына:

— Сталин... Послушайтесь и вы его совета: идите в «Викторию», не прогадаете.

— Сталин... — задумчиво проговорил Рэкицяну, глядя на пылавший за окном закат. — Значит, он мне дает совет.

— С вашим хозяйским опытом жить не бирюком, а с народом, и народ вас оценит... По себе знаю.

— Пошел бы...

— А что мешает?

— Много в «Виктории» непорядков.— Рэкицяну низко наклонил большую волосатую голову.— Видели, в каком месте они начали строить скотный двор? Не по-хозяйски. Разве в такой низине его можно строить? Там же вечная сырость, скот будет болеть.

— А вы бы подсказали. «Виктория» — хозяйство молодое, в нем постоянно нужен острый хозяйский глаз.

— Стефан Петрович, а скажите, жалко было отдавать быков? — вдруг спросил Рэкицяну, и спрашивающие его глаза потускнели.

— Жалко,— сознался Рагулин и сочувственно, понимающе посмотрел на Рэкицяну. — Тогда было жалко...

Неожиданно беседа была прервана. В комнату шумной гурьбой ввалились мужчины, женщины с веселыми, радостными лицами — это делегация из «Виктории» пришла просить Стефана Петровича в клуб на собрание.

— И мне бы пойти,— тихо сказал Рэкицяну, обращаясь горестным взглядом то к своим односельчанам, то к Рагулину.

— Очень даже нужно пойти,— поддержал Рагулин, беря Рэкицяну под руку и открывая дверь.— Там мы и продолжим нашу беседу.

И они вышли на улицу.

Морской казак

Михаил ЛЬВОВ

Спросил у друга как-то вдруг
Матрос на земснаряде:
— Встает вопрос — ответь мне, друг,
Скажи мне, бога ради:
Я раньше был донской казак,
Теперь мне зваться как?
— А ты зовись «морской казак»,
Вернее будет так.
Не звон пустой, не пыль в глаза,
Не титул, брат, цыганский —
Ты будешь истинный казак
Донской — морской — цимлянский!
И не упрешься в дом свой тут —
Тебе вся трасса хороша!
Ведь если звания растут —
Растет, брат, и душа!

Глядит на Дон
донской казак,
С товарищем не споря,
И видит друг в его глазах
Будущее море!

Прохожие

Геворк ЭМИН

М. Луконину

Весна
запрудила
людьми
тротуары.
Без меры,
без счета
прохожих вокруг.
Но каждый из них —
молодой или старый —
мне здесь не чужой,
а товарищ и друг.

Я знаю их всех — представляться не надо! —
И все они, кажется, знают меня.
Поэтому сердце, как празднику, радо
сиянью весеннего синего дня.

Вот этот солдат —
мой старинный приятель,
хотя мы впервые встречаемся с ним.
От волжских равнин до хребтов Закарпатья
весну и победу пронес он сквозь дым.

А женщина эта...— Ты разве не видишь:
я сын твой, пропавший без вести в бою!
Я знал, что сегодня ты из дому выйдешь,
разделишь огромную радость мою!

Сидит старичок на скамье возле дома.
Он жить научил меня жизнью своей.
Он был председателем Реввоенкома,
когда я не знал еще азбуки всей.

А ты, Армине... Ты ведь мне не чужая,—
сестра, что вернулась в родные места.
Ты смотришь, еще не совсем понимая,
что Родина — явь, а не сон и мечта!

. . . .

О ком расскажу я вам песнею этой!
Здесь всюду мой дом, всюду братьев найду.
И счастливо сердце, весною согрето,
и я, улыбаясь прохожим, иду!

Перевел с армянского Лев ГИНЗБУРГ

П. П. Кончаловский. СИРЕНЬ БЕЛАЯ И КРАСНАЯ. Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

А. А. Ромодановская. ВЕСНА В МОСКВЕ.

ИГРЫ НАЧАЛИСЬ

Момент игры команд ВВС — второй состав сборной Москвы. Фото С. Короткова

В эти дни на тбилисском стадионе «Динамо» была типичная предсезонная горячка: готовилось главное поле, мылись трибуны, красились ворота, разметчики аккуратно рисовали белые линии вратарской площадки и тщательно чертили круг для одиннадцатиметрового штрафного удара.

Жизнь кипела и под трибунами стадиона: шнуровали новенькие мячи, смазывали их, взвешивали, готовили флаги. Сапожник Матвей Алексеевич Ермаков, двадцать лет работающий на стадионе, внимательно осматривал подошвы бутс и ловким движением удалял старые, истертые шипы, а на их место набивал новые.

В это же время на малой площадке в очередь тренировались мастера футбола. Вот Михаил Якушин разделил тбилисских динамовцев на две группы, бросил им «мяч раздора» и сам глазами наставника наблюдает за борьбой. Как только освободилась площадка, на поле выбежали в полосатых футболках игроки команды ВВС. Летчиков сменили зенитовцы.

Круг для одиннадцатиметрового удара готов.

Футбольная весна нынешнего года началась необычно. Розыгрыш первенства страны отнесен на июнь, а в апреле проходили товарищеские состязания сильнейших команд класса «А». Они разбиты на четыре подгруппы: тбилисскую, бакинскую, харьковскую и киевскую. Две лучшие команды каждой подгруппы — а всего восемь — составят группу, которая в Москве в мае и июне проведет заключительные игры. В них также примет участие сборная команда Москвы.

В тбилисской подгруппе встретились три первоклассных коллектива: ВВС, «Зенит» и «Динамо» (Тбилиси). Кроме них, вне конкурса, участвуют в состязаниях первый и второй составы сборной команды Москвы.

В эти дни трамваи, автобусы, троллейбусы были переполнены. Потоки людей двигались по Плехановскому проспекту к стадиону. Десятки тысяч тбилисцев посетили гостеприимный динамовский стадион. Они понимали, что после тренировочных упражнений пришла для футболистов пора показать свое мастерство в обстановке реальной спортивной борьбы.

Тренеры и игроки держали испытания, кои можно назвать «весенней экзаменационной сессией». Зрители — экзаминаторы — принимали первые зачеты у мастеров футбола.

Оценка определялась аплодисментами. Но они не всегда были шумными и дружными. Дружно рукоплескали за отличный бросок вратаря, иногда за точную передачу, но встречали тягостным молчанием нерасчетливый посыл мяча выше ворот.

В игре нападающих чувствовалась весенняя незрелость: неотработанность движений, подчас просто неловкость, нерасчетливость в ударах. Поэтому остроумных комбинаций было мало, а шаблонно построенные атаки легко разбивались бдительными защитниками.

Тренеры говорили: «Игроки еще не готовы»,— не овладели спортивной формой. Однако этого нельзя сказать о тренере и центральном нападающем команды ВВС Всеволоде Боброве. В первом же состязании против второго состава сборной Москвы его быстрый бег, обманные движения, манера обращаться с мячом вызывали одобрительные крики зрителей. В игре Боброва не видно «весенних признаков»: он играет так, словно не было зимы и не было напряженного хоккейного сезона. Защитникам сборной пришлось приложить много усилий, чтобы «нейтрализовать» бурную энергию Боброва. Игра закончилась маловыразительными нулями — 0 : 0.

Наиболее упорным было состязание команды ВВС с первым составом сборной Москвы. Летчики не только сдерживали атаки, но и сами переходили в наступление. Все же они потерпели поражение: мяч со штрафного удара влетел в сетку их ворот. Так и закончилась эта игра со счетом 0 : 1.

В сложной и достаточно острой борьбе протекало соревнование тбилисских динамовцев с футболистами «Зенита». Почти с первых же минут темпераментные тбилисцы завладели инициативой и с такой энергией повели наступательные действия, что казалось, их преимущество должно выразиться в каких-то реально забитых мячах. Однако ленинградские защитники и особенно Гартвиг были достаточно подвижны, своевременно реагировали на каждую атаку и отстояли свои ворота от, казалось, неминуемых голов. Нужно сказать, что их задача была несколько облегчена, во-первых, узким фронтом динамовских атак, а во-вторых, тем, что хозяева поля играли мелкой, поперечной передачей и старались подвести мяч до вратарской площадки. Это было наивно. Естественно, что они каждый раз терпели неудачу. Ленинградские форварды придерживались другой тактики: длинная, продольная передача, быстрый выход к чужим воротам и неожиданный удар. Так действовали Иванов, Комаров, Смирнов. Они наступали реже, но всегда весьма опасно. В итоге они выиграли важную для себя встречу со счетом 2 : 0.

Матвей Алексеевич Ермаков набил новые шипы на бутсы.

Во всех состязаниях бросается в глаза более ровная и точная игра защитных линий. Нападающие всех команд играют очень разрозненно, неуверенно, излишне суетливо. Это, в частности, было заметно на встрече тбилисских динамовцев с футболистами второго состава сборной Москвы. Атаки той и другой команд были слабее, чем контратаки защитников.

Зрители с нетерпением ждали гола, но так и ушли, «не солоно хлебавши». В результате снова 0 : 0. Вообще нынешней весной забитый мяч — редкость. Это своеобразное «событие» встречается громом аплодисментов.

Игры в тбилисской зоне заканчиваются.

Второго мая лучших футболистов мы увидим на московском стадионе «Динамо».

Тбилиси.

М. МЕРЖАНОВ

* * *

Примерно такая же картина начала футбольного сезона и в других городах. В Баку «Спартак» (Москва) обыграл рижских футболистов «Даугавы» — 2 : 0, а «Шахтер» неожиданно проиграл динамовцам Минска, которые получили право в этом сезоне выступать в классе сильнейших клубов.

В Харькове команда «Крылья Советов» победила молодых футболистов города Калинина со счетом 2 : 0, а московские динамовцы — своих земляков из «Торпедо» с итогом 2 : 1. В Киеве чемпион страны — коллектив ЦДСА,— выступающий в обновленном составе, в котором много молодых игроков, забил три «сухих» мяча в ворота столичной команды «Локомотива». Динамовские команды Киева и Ленинграда свели игру к ничьей (1 : 1).

Старший тренер команды ВВС Всеволод Бобров рассказывает о тактике игры нападающих.

Венок дружбы

Румынский танец «Мушамуа». Исполняет Государственный ансамбль народного танца СССР. Фото А. Воротынского и Е. Умнова

Еще в 1944 году, готовя программу «Танцы славянских народов», символизирующую сплоченность и дружбу братских славянских стран, коллектив Государственного ансамбля народного танца СССР начал изучать творчество зарубежных славян. Тогда мы пользовались главным образом книжным и иллюстративным материалом.

После войны жизнь вплотную столкнула нас с прекрасным танцевальным искусством дружественных нам народов демократических стран. Широкий взаимообмен культуры и искусства, тесное общение во время гастролей с национальными коллективами раскрыли нам новые огромные богатства.

Творческие встречи с национальными коллективами стран народной демократии почти всегда превращаются в замечательные уроки взаимного обучения. Встречаясь с национальными ансамблями, наш коллектив перенял в свой репертуар венгерские — «Танец с бутылками», «Танец со шпорами», 2 чардаша; румынские — «Мушамуа», «Брыул», «Колошари», танец Ошского края; китайские — «Санчакоу» и «Танец с шарфами». В то же время венгерский ансамбль перенял от нас русские «Перепляс» и «Шестеру» и белорусскую «Бульбу». Румынскому ансамблю мы передали белорусскую «Лявониху», китайскому коллективу — русскую «Шестеру» и белорусскую «Бульбу».

На заключительных встречах, перед отъездом, мы тщательно проверяем успехи друг друга. Как радует исполнение наших танцев венграми, румынами, китайцами! Такое же удовольствие и одобрение читали мы на лицах наших друзей, когда они видели свои танцы в еще робком исполнении нашего коллектива.

Расставаясь, коллективы обменивались подарками: наш ансамбль получил в дар костюмы к венгерским танцам, к румынскому «Мушамуа» и к оашскому танцу; мы же передали венгерскому ансамблю комплект костюмов к танцу «Бульба» и русским танцам, румынским танцорам — костюмы к «Лявонихе», китайскому ансамблю — русские костюмы.

Живые, радостные впечатления от этих встреч наш коллектив воплотит в своей новой программе, которую посвящает дружбе народов. Корейская танцовщица Ан Сон Хи ставит у нас корейские танцы, чешский балетмейстер Любоше Ганькова — чешские и словацкие танцы.

И. МОИСЕЕВ,
народный артист РСФСР

Пятнадцать лет существует Государственный ансамбль народного танца СССР, бессменно руководимый талантливым балетмейстером Игорем Моисеевым. И если коротко определить, в чем состоит золотое зерно творческой деятельности ансамбля, то не найдешь лучшего определения, чем прекрасные слова «дружба народов».

Только в атмосфере великой сталинской дружбы народов, только на основе национального братства и равенства могло так широко и глубоко развиваться искусство ансамбля народного танца, воссоздающего на концертных эстрадах все лучшие образцы танцевального фольклора.

Гоголь когда-то, восхищаясь народным танцем, писал:

«Откуда родилось такое разнообразие танцев? Оно родилось из характера народа, его жизни и

Артисты Государственного ансамбля народного танца СССР в Будапеште. Они разучивают венгерские танцы.

образа занятий. Народ, проведший горделивую и бранную жизнь, выражает ту же гордость в своем танце; у народа беспечного и вольного та же безграничная воля и поэтическое самозабвение отражаются в танцах; народ климата пламенного оставил в своем национальном танце ту же негу...»

Как ни богато было поэтическое воображение Гоголя, но и он не мог представить то изобилие народных плясок, каким обладают народы нашей многонациональной Родины.

Вспоминается осень 1936 года, когда впервые в Москве состоялся Всесоюзный фестиваль народного танца. Перед глазами восхищенных зрителей развернулся тогда во всей красе волшебный ковер чудесных танцевальных ритмов, то бурно-стремительных, то плавно-певучих.

И при этом никакой надуманности, ибо народ танцует, как и поет, когда этого «просит душа». Есть какие-то общие темы для всех народных танцев, которые диктует сама жизнь. Или это тема труда, героического подвига, или любовь юноши и девушки, или смена времен года и связанные с ними праздники. Но и «общее» приобретает различный оттенок от того, какой народ говорит обо всем этом на своем танцевальном языке.

Когда в феврале 1937 года был создан Ансамбль народного танца СССР, перед его руководителем И. А. Моисеевым и членами коллектива встала цель — собрать воедино всю драгоценную россыпь народных танцев, сделать так, чтобы ни один прекрасный образец творчества народов СССР не потерялся и мог найти отражение в программах ансамбля, в его хореографических картинах и миниатюрах.

Так под знаком дружбы народов началась работа ансамбля, и эта дружба с тех пор выразилась в 150 танцевальных постановках, которые в основном осуществил Игорь Моисеев.

Многое изменилось за пятнадцать лет в характере репертуара ансамбля. Правда, он попрежнему именуется Ансамблем народного танца СССР, но вот уже несколько лет, как в его программах появились танцы стран народной демократии. И с тем же мастерством, с каким ансамбль исполнял танцы народов СССР, он передает танцы Китая и Кореи, Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Румынии. В этом новом репертуаре вновь чудесно проявляется единство целей и стремлений свободных наций, крепкое их братство.

Можно составить увлекательную «географию» поездок Ансамбля по Советскому Союзу — от Тихого океана до Балтики. А за последние годы ансамбль не раз выступал и за рубежом, в странах народных демократий. Если взять только прошлый, 1951 год, и тогда были весенняя поездка в Венгрию и Австрию, а осенью — в Румынию. Еще раньше ансамбль побывал в Германской Демократической Республике, в Чехословакии, Болгарии, Польше. И всюду он находил восторженную аудиторию, и всюду его концерты были демонстрацией дружбы народов. Недаром в Будапеште для заключительных выступлений ансамбля понадобилась площадка грандиозного стадиона, вмещающего сто тысяч зрителей. Но не только жители зарубежных столиц встречали рукоплесканиями ансамбль. Его видели и строители канала Дунай — Черное море, и нефтяники Плоешти, и рабочие сталелитейных заводов, и шахтеры, и крестьяне.

Во время своих поездок ансамбль изучал те народные танцы, которые привлекли его внимание особой выразительностью и красотой. Так появился в репертуаре ансамбля традиционный венгерский «Танец с бутылками», а в порядке «обмена» ансамбль выучил тогда же венгерских мастеров одной из своих лучших плясок — «Бульбе», которую венгерские танцовщики и показали Москве во время своего недавнего приезда.

Так искусство народного танца служит великим идеям дружбы народов. И Государственный ансамбль народного танца СССР отражает в своей деятельности все то светлое, возвышенное и благородное, что выражают народы нашей страны и наши зарубежные друзья на прекрасном языке народного танцевального творчества.

Н. ВОЛКОВ

Белорусская «Бульба» в постановке И. А. Моисеева. Исполняют артисты ансамбля песни и пляски Венгерской демократической Республики.

На снимках справа (сверху вниз): Польский краковяк. Исполняют артисты ансамбля Т. Зейферт и К. Воронков.

Польский «Трояк». Исполняют артисты ансамбля Б. Крестинин, Л. Козлова, В. Аристов.

Болгарский танец. Исполняют артисты ансамбля И. Карташев, Л. Голованов, Н. Данилов.

Венгерский «Танец с бутылками».

СПЕКТАКЛЬ о создателе „русского света"

Профессор Н. Г. БОЛДЫРЕВ,
доктор технических наук

Фото Н. Мовшина

Заключительная сцена спектакля. В роли Яблочкова народный артист СССР Н. Симонов.

В галерею драматургических портретов русских ученых-новаторов интересный и ценный вклад внесен Ленинградским академическим театром драмы имени Пушкина, поставившим спектакль «Победители ночи». Это спектакль об одном из создателей электротехники, Павле Николаевиче Яблочкове. Его современник В. Н. Чиколев так характеризовал место и значение изобретателя в истории русской техники: «Я считаю, что главнейшая заслуга г. Яблочкова... в том, что... он с неутомимой энергией, настойчивостью, последовательностью поднял за уши электрическое освещение и поставил его на пьедестал. Если затем электрическое освещение получило кредит в обществе, если прогресс его... пошел затем столь гигантскими шагами... то всем этим мир обязан нашему соотечественнику Яблочкову!»

Пьеса И. Штока охватывает всего лишь несколько лет жизни Яблочкова (с 1875 по 1879 год) и посвящена истории основного его изобретения — «электрической свечи». «Русский свет осветил улицы Парижа, набережные Лондона, Вест-индские доки, площади Мадрида и Неаполя»,— восторженно говорит один из персонажей пьесы, французский инженер — делец Денейруз (личность историческая), учредивший «Синдикат электрического освещения по методу Яблочкова». Под названием «русского света» свеча Яблочкова получила практическое распространение во всем мире.

Театр драмы имени Пушкина серьезно и много поработал совместно с автором над его пьесой. Режиссура и исполнители пользовались постоянной консультацией специалистов-электриков, в частности В. Е. Манойлова — кафедра истории техники Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина).

В постановке (режиссер А. Музиль) подчеркнуто и усилено главное в пьесе, устранены некоторые незначительные эпизоды. Спектакль показывает, как борьба за «русский свет», за его внедрение перерастает в борьбу представителей передовой науки против мракобесов и невежд — царских чиновников, жандармов, тупых обывателей.

Оформление художника Н. Альтмана хорошо передает обстановку той эпохи. Специальные рисованые занавесы предшествуют каждому действию, перенося зрителя то в глухой, грязный переулок окраины старой Москвы, то на оживленные улочки Парижа. Хорошо показана — сквозь решетку Летнего сада — уходящая вдаль ночная перспектива освещенного фонарями Литейного моста, повисшего над свинцовыми водами Невы.

С подъемом звучит в спектакле тема неразрывной, кровной связи передовых русских людей с Родиной, с ее великим народом. Настоящим ученым-патриотом предстает перед нами Яблочков в исполнении народного артиста СССР Н. Симонова.

Судьба биографического спектакля зависит главным образом от того, насколько правильно решен центральный образ, насколько он связан с развитием действия. Яблочков (Симонов) — человек могучего сложения, с ясными, легко вспыхивающими огнем глазами. Начиная с первого акта, показывающего Яблочкова в «мастерской физических приборов», организованной им в торговом складе купца Журкина в Москве, и кончая страстным выступлением изобретателя на публичной лекции в Петербурге, веришь русскому богатырю изобретательской мысли, этому «Руслану», как называет его один из персонажей спектакля.

Носитель передовой научной мысли, Яблочков, естественно, тяготеет к передовым социальным идеям своего времени. И хотя сам Яблочков отнюдь не революционер, пребывание его в России царские жандармы признали «нежелательным». Вынужденный эмигрировать в Париж, он там получает первое признание своего изобретения, чтобы в зените мировой славы вернуться в Петербург.

Благородство недюжинной натуры Яблочкова проявляется в его полном достоинства поведении при встречах с жандармским ротмистром, с великим князем, с иностранными дельцами.

Н. Симонов хорошо раскрывает любовь к России, тоску по родине, гордость изобретателя своим народом и возмущение его угнетателями. «Дураки! Мерзавцы! — кричит он в гневе. — Они управляют страной гениев, народом, равного которому нет в мире. Будь они прокляты!»

Ради отечественной науки, ради интересов родины Яблочков идет на личные жертвы. Царское правительство после долгих отказов соглашается наконец использовать в России его прославленное во всем мире изобретение и «милостиво» разрешает изобретателю вернуться на родину. Яблочков, не задумываясь, расторгает выгодный для него контракт с иностранным синдикатом, платит огромную неустойку, жертвуя при этом всем своим состоянием. Явью становится его мечта: «Домой! Мы едем домой!»

Выдающийся изобретатель борется за прогресс вместе с представителями передовой русской интеллигенции. Знаменитый русский электротехник В. Н. Чиколев (артист М. Никельберг) оказывает ему поддержку, разрабатывает вместе с ним проект электрического освещения Литейного моста. На сторону Яблочкова становятся великие русские ученые Менделеев и Сеченов, Лодыгин, Лачинов (к сожалению, в пьесе и в спектакле они присутствуют лишь как персонажи эпизодические).

Убедителен и трогателен образ постоянного помощника Яблочкова, такого же бескорыстного энтузиаста, как и он,— скромного талантливого инженера Глухова. Эту роль играет заслуженный артист В. Янцат. Верным спутником жизни Яблочкова показана его жена Мария Николаевна (артистка О. Лебзак).

В числе удач спектакля — образ рабочего Фомина (артист Г. Колосов), беззаветно преданного Яблочкову. Фомин падает жертвой покушения, организованного против изобретателя пайщиками газовых компаний, напуганных угрозой широкого внедрения в городское хозяйство «русского света».

Убедительно обрисованы в постановке дельцы и предприниматели. На «свече Яблочкова» наживаются и французский делец Луи Денейруз (заслуженный артист Б. Фрейндлих) и русский коммерсант Скорняков (его превосходно играет заслуженный артист К. Адашевский). Организованные ими французское и русское акционерные общества, в свою очередь, поглощаются более мощными капиталистическими акулами — их представляет мистер Гиллард (заслуженный артист РСФСР Г. Мичурин). Американец 80-х годов по своему складу характера и поведению, Гиллард — предшественник нынешних монополистов, стремящихся прибрать к рукам прибыли со всего земного шара.

Торжественно и убежденно гремит в финале голос Яблочкова. Он пророчески обращается к новым поколениям: «Русский свет зажегся над миром, и никто никогда не погасит его! Он будет гореть и через пятьдесят и через сто лет!»

«Победители ночи» И. Штока на сцене Ленинградского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина. Сцена из 3-го акта. Слева направо: коммерсант Скорняков (заслуженный артист РСФСР К. Адашевский), Яблочков (народный артист СССР Н. Симонов), Чиколев (артист М. Никельберг).

Весенние стихи

Сергей СМИРНОВ

Рисунки О. Верейского

Первый рейс

Навигации начало.
Даль прозрачна и светла.
Солнце
сыплет на причалы
Золотой запас тепла.

Теплоход покинул Химки,
Вспенил воду за собой.
Вот он
тает в легкой дымке
Вместе с мачтой и трубой.

Впереди
ворота шлюзов,
Море, волны, облака
И — краса всего Союза —
Волга-матушка река.

До свиданья, лебедь белый!
Ты плыви, дымок клубя,
На пути
привалы делай, —
Пассажиры ждут тебя.

В Жигулях побудь, как дома.
Не чурайся трудных дел.
По ступенькам
Волго-Дона
Перейди водораздел.

И от имени столицы
Просьбу выполни одну:
Передай привет
станицам
И Ростову-на-Дону!

Давай сегодня встретимся

На улицы, на здания
Легла ночная мгла.
Москва без опоздания
Огни свои зажгла.
Дыханье мая месяца
Летит во все края.
Давай сегодня встретимся,
Хорошая моя!

У памятника Пушкина
Уже цветы цветут,
И вместо зноя душного
Всегда прохлада тут.
Фонтан красиво светится,
Звенит его струя.
Давай сегодня встретимся,
Хорошая моя!

Для нас оделись листьями
Все парки и сады.
Играют звезды чистые
На зеркале воды.
Для нас — улыбка месяца.
И повторяю я:
Давай сегодня встретимся,
Хорошая моя!

Хорошие птицы

Не листовки,
Не листья,
Не кипень метели —
Это белые птицы
Над Берлином взлетели.

Голубиные стаи.
Голубые пути.
Каждой птице желаем
Путь до дома найти...

Помнишь,
Солнце всходило.
И раннею ранью
Нас в Москве
разбудило
Голубей воркованье.

И, окно раскрывая,
Ты сказала:
— Взгляни!
Это к нам
с фестиваля
Прилетели они.

Молодые деревца

Глядишь на них, и сердце радо:
Стоят деревья в два ряда.
Ни холода,
Ни снегопады
Не причинили им вреда.

Тут каждый раз трудился
дворник,
Зиму сметая с мостовой.
Он укрывал
стволы и корни
Снежком, как шубой меховой.

Потом заметно потеплело.
Веселый март
сугробы сжег.
А садовод
Со знаньем дела
Подстриг деревья под кружок.

Пришел маляр — степенный
дядя,
Известкой побелил стволы.
И деревца, как на параде,
Теперь стоят — белым-белы.

И вот
На улице широкой,
Людским согретые теплом,
Они проснулись раньше срока
И услыхали первый гром.

На облик нашего квартала
Нельзя взглянуть без
торжества:
Здесь в два ряда
затрепетала
Новорожденная листва!

Живые ловушки

Существуют ли в природе деревья-хищники, которые питаются крупными животными и даже людьми? С таким вопросом обратился в «Огонек» читатель А. И. Колчев из Карагандинской области.

Вопрос этот возник не случайно. В одном старом журнале он читал о том, что в джунглях Мадагаскара будто бы существует сорок разновидностей подобных деревьев. Одна из них обладает прочными жгутами вроде воздушных корней, которые, как щупальца осьминога, обвиваются вокруг животного, притягивают его к стволу, выделяющему соки, подобные желудочным, и животное переваривается деревом за исключением костей и волос. Другая разновидность этих деревьев имеет стелющиеся по земле огромные листья с зазубринами на краях вроде кинжалов. При попадании на лист зверя или птицы лист свертывается, убивает их своими «кинжалами» и также переваривает.

Такие необыкновенные представители растительного мира, если бы они действительно существовали, давно бы привлекли к себе внимание исследователей, были бы изучены, описаны и показывались в клетках в ботанических садах. Между тем в научной литературе нет даже упоминания о них. Мы обратились за разъяснениями в Главный Ботанический сад Академии наук СССР.

Заместитель директора сада, член-корреспондент АН СССР П. А. Баранов сообщил следующее: «...в различных областях земного шара встречается около 450 видов насекомоядных растений... У разных представителей насекомоядных растений наблюдаются чрезвычайно разнообразные приспособления для улавливания небольших насекомых и мелких животных из низших. Однако науке не известен ни один растительный вид, который обладал бы способностью ловли и переваривания более крупных животных, в частности, теплокровных и человека».

Добычей так называемых хищных, а вернее, насекомоядных растений, смотря по тому, где они растут, в действительности служит лишь мелочь животного мира: насекомые, личинки, циклопы, дафнии, реже — мальки рыб, головастики. Более крупные животные не только не идут в пищу этим растениям, но при возможности сами грабят их. Так, птицы, например, пользуются ловчими урнами саррацений как кормушками и без труда добывают попавших в урны насекомых. Некоторые растения имеют даже специальные выросты и шипы, преграждающие доступ в их ловушки более крупным животным.

Из насекомоядных растений наших широт известны росянка, к листьям которой, выделяющим липкую слизь, прилипают насекомые, и пузырчатка — обитательница стоячих и медленно текущих вод.

Стебель и листья пузырчатки погружены в воду. На стеблях сидит множество мелких пузырьков с клапанами. При прикосновении к клапану циклопа или дафнии клапан, как дверь, легко отходит внутрь, и струя воды увлекает животное в пузырек, выхода из которого нет, так как клапан наружу не открывается. Стенки пузырьков усажены желёзками, которые всасывают соки разлагающихся в ловушке животных.

ТРОЙНОЙ ПРЫ

В. ВИКТОРОВ

Здесь мы расскажем о творческом содружестве трех спортсменов, чьи совместные усилия принесли нашей стране один из самых выдающихся рекордов в легкой атлетике.

В 1946 году, когда 19-летний, никому не известный юноша Леонид Щербаков впервые появился на московском стадионе «Динамо», Николай Озолин, знаменитый прыгун с шестом, уже завершал свой спортивный путь. Он испытал радость больших побед на стадионах различных стран, достиг предельного рубежа своих возможностей. Озолин взял высоту 4 метра 30 сантиметров. Не обладая высоким ростом и большой физической силой, столь необходимыми для прыжка с шестом, Озолин смог добиться победы только благодаря безукоризненной технике. Он неустанно исследовал технику движений, написал диссертацию, посвященную легкой атлетике, за которую получил научную степень кандидата педагогических наук.

В тот год, когда Леонид Щербаков вышел на беговую дорожку, Арсений Стукалов, в прошлом один из сильнейших прыгунов, начал работать преподавателем института физкультуры имени Сталина и занялся научной разработкой темы, давно его занимавшей.

Еще в 1938 году Стукалов достиг высокого результата в тройном прыжке с разбега, установив рекорд Российской Федерации — 14 метров 29 сантиметров. Он понимал, что это не предел его возможностей, но никак не мог раскрыть причин, мешающих увеличить длину прыжка. И тогда Стукалов задался целью при помощи объектива киноаппарата раскрыть сложную и совершенно не изученную технику тройного прыжка с разбега.

Его намерениям помешала война. Стукалов ушел на фронт, командовал пехотным взводом на Кавказе. Демобилизовавшись после войны, он купил узкопленочный аппарат, телеобъектив и засел за изучение теоретической механики, готовясь к давно задуманной работе.

Так складывалась жизнь трех спортсменов, нигде не пересекаясь, хотя она и проходила рядом, на стадионе, в лабораториях и кабинетах института физической культуры.

В 1948 году в Харькове в дни всесоюзных состязаний Николай Озолин услышал незнакомую ему фамилию молодого легкоатлета, занявшего второе место по тройному прыжку после чемпиона СССР Бориса Замбримборца. Через несколько дней, когда лучшие мастера выступали на побитие рекордов, он впервые увидел подтянутого, сосредоточенного паренька, готовившегося взять старт тройного прыжка.

— Кто это? — спросил Озолин у одного из тренеров.

— Леонид Щербаков. Новый прыгун,— ответил тренер.— Приглядитесь к нему. Отличные возможности у парня.

И Николай Георгиевич Озолин стал наблюдать за Леонидом Щербаковым. Атлет стоял на старте, опустив руки, словно задумавшись, и вдруг легко, пружинисто рванулся вперед, с каждым шагом развивая скорость. Он несся по 40-метровой прямой, затем, не замедляя скорости, оттолкнулся одной ногой от деревянного бруска, взлетел в воздух, приземлился за 5 метров и тут же, оттолкнувшись, снова оторвался от земли, перебирая ногами в воздухе, взмахивая руками, вытянувшись весь вперед, снова приземлился и совершил третий прыжок.

Когда судьи промерили общую сумму прыжков, стало известно, что Леонид Щербаков совершил тройной прыжок на 14 метров 93 сантиметра. И, услышав этот результат, Николай Озолин подумал: «Вот этот паренек сможет прыгать лучше Замбримборца».

После соревнований Озолин подошел к Щербакову и разговорился с ним. Щербаков рассказал, что родился он в Ярославле. Отец его работал поваром в столовой швейной фабрики и погиб на фронте под Старой Руссой. Леонид работал механиком и на фабрике стал заниматься спортом: бегом, прыжками, преодолением препятствий, фехтованием, гимнастикой, но еще не знал, на чем остановиться...

— Вы можете прыгать за пятнадцать метров. Ваше призвание — тройной прыжок. Если хотите, я поработаю с вами,— предложил Озолин.

И в том же году Николай Озолин начал тренировать Леонида Щербакова. Впервые тогда понял молодой спортсмен, что такое тройной прыжок. Он требовал огромной работы. Надо было усиленно тренироваться в беге — бег на короткие дистанции — и развивать в себе способность легко и стремительно отрываться от земли, как бы продолжая бег в воздухе.

Во время одной из тренировок на московском стадионе «Динамо» Щербаков заметил высокого человека с кинокамерой. Этот человек снимал весь процесс его прыжка — от разбега до последнего приземления. «Вероятно, кинооператор»,— подумал Щербаков. Но каково было удивление юноши, когда после тренировки «кинооператор» подошел к Озолину и стал с полным знанием всех тонкостей техники разбирать допущенные им, Щербаковым, ошибки. Озолин с интересом слушал человека с киноаппаратом, а потом спросил его:

— А вы смогли бы, Арсений Анатольевич, приготовить нам кинограмму? Она бы очень помогла.

— Пожалуйста, Николай Георгиевич, завтра же я вам ее сделаю.

И в самом деле, на следующий день Леонид Щербаков мог видеть кинограмму, на которой было запечатлено каждое его движение.

Так Щербаков познакомился со Стукаловым, который к этому времени с головой ушел в исследование тройного прыжка с разбега.

Спорт — это скорость, стремительность, динамика. Можно ли придумать менее благоприятную обстановку для исследователя! Но с помощью узкопленочного аппарата, отрегулированного так, что он работал совершенно равномерно, Стукалов мог исследовать самые сложные и быстрые движения спортсмена в

На снимках: вверху — судьи с помощью рулетки измеряют результаты прыжка Л. Щербакова. Внизу — Н. Озолин, Л. Щербаков и А. Стукалов изучают кинограмму тройного прыжка.

Фото А. Бурдукова и С. Короткова.

ЖОК

их естественной обстановке. Применяя формулы теоретической механики, Стукалов проник в такие глубины спортивной техники, куда до сих пор никому не удавалось проникнуть.

Засняв тройной прыжок на кинопленку, Стукалов расшифровывал его, пользуясь для этого специальной расчетной линейкой, и получал возможность выявить все ошибки, которые допускал спортсмен во время разбега и прыжков.

Леонид Щербаков на кинограмме Стукалова увидел себя как бы со стороны, в момент таких высоких, таких предельных усилий, которые, казалось бы, совершенно исключали возможность какого-либо объективного анализа. Теперь Щербаков и его тренер Озолин могли изучить самую суть тройного прыжка и сделать выводы, значительно облегчившие их дальнейшую работу.

Щербаков, Озолин и Стукалов подолгу засиживались над расшифрованными кинограммами. Эти материалы говорили о том, что прыгуну, развившему максимальную скорость во время разбега, необходимо сохранить ее до конца. Но как же сохранить эту горизонтальную скорость, если ее погашает прыжок? Ведь, взяв разбег, пролетев по воздуху около 6 метров, спортсмен совершает только первую фазу тройного прыжка, так называемый «скачок», за которой следует вторая фаза — «шаг».

Много интересного раскрыли кинограммы и для работы в третьей фазе тройного прыжка.

Николай Георгиевич Озолин во время тренировок настаивал на том, чтобы Щербаков, производя последний прыжок, увеличивал высоту полета, потому что в отличие от второго прыжка высота уже не опасна, а, наоборот, способствует улучшению результата. Об этом же говорили анализы и выводы Стукалова.

Это был очень трудный переход от одного положения к другому. Ведь еще мгновение назад прыгун прилагал все усилия к тому, чтобы снизить траекторию полета, а здесь ему, наоборот, надо было как можно больше увеличить ее. Так, передвигаясь от одной фазы к другой, от «скачка» к «шагу», от «шага» к «прыжку», стремясь к тому, чтобы соединить в одно гармоническое целое все эти три звена, противоречивые, спорящие друг с другом, продолжал работу Щербаков вместе со своим тренером. Решалась одна задача, и тут же возникала следующая; отрабатывался один момент тройного прыжка, и тут же возникал другой, также требующий кропотливой, многодневной шлифовки.

Пользуясь кинограммами Стукалова, изучая его анализы, Озолин и Щербаков стремились к тому, чтобы стабилизировать результат каждой фазы прыжка. «Скачок» должен был иметь по длине 5 метров 80 сантиметров — 6 метров, «шаг» — 5 метров — 5 метров 20 сантиметров, «прыжок» — 5 метров 20 — 5 метров 40 сантиметров.

Сумма трех прыжков превышала результат мирового рекорда, равнявшегося в то время 16 метрам. И Щербаков все ближе приближался к заветной цели.

На первенстве СССР по легкой атлетике 1949 года он прыгнул на 14 метров 89 сантиметров, а осенью на соревнованиях в Тбилиси побил всесоюзный рекорд Замбримборца, показав лучший в мире результат того года — 15 метров 43 сантиметра.

Творческое содружество трех спортсменов принесло свои плоды в следующем, 1950 году. Щербаков от соревнования к соревнованию продолжал повышать свои результаты. 16 июля он прыгнул на 15 метров 59 сантиметров.

И вот наступил знаменательный день 21 июля. К этому дню Леонид Щербаков, внимательно изучив вместе с Озолиным данные последних кинограмм, представленные Арсением Анатольевичем, и сделав из них необходимые выводы, установил новый всесоюзный и европейский рекорды: он прыгнул на 15 метров 70 сантиметров.

Работа над дальнейшим совершенствованием тройного прыжка продолжалась и все прошлое лето. Щербакову и Озолину не удалось тогда добиться новой победы, но разве не была их общей победой диссертация Стукалова «Техника тройного прыжка и пути ее совершенствования», которую Арсений Анатольевич успешно защитил на Ученом совете института?

Научным руководителем по диссертации А. А. Стукалова был заслуженный мастер спорта Н. Г. Озолин, а главным действующим лицом, на изучении прыжков которого основывались выводы исследователя,— чемпион и рекордсмен СССР по тройному прыжку Леонид Щербаков.

Арсений Анатольевич Стукалов писал в своей диссертации: «Данные нашего анализа кинограмм 1949 и 1950 годов рекордсмена СССР и Европы в тройном прыжке Л. Щербакова были широко использованы его тренером Н. Озолиным. На основе данных анализа удалось не только обнаружить и устранить ошибки в технике прыжков, но и усовершенствовать ее... Данные нашего анализа прыжков Л. Щербакова и Б. Замбримборца показывают, что оба они имеют возможность превысить рекорд мира в этом виде легкой атлетики. Над этим им и надо работать».

К этому сейчас и направлены совместные усилия Леонида Щербакова, Николая Озолина и Арсения Стукалова.

Прыжок Леонида Щербакова.

Снова на воде

Днепр в районе Киева освободился ото льда.

С нетерпением ждали этого дня гребцы. Они конопатили и красили свои лодки, готовясь к весне. Кипела работа на водных станциях спортивных обществ «Искра», «Наука», «Динамо», «Медик», «Спартак». Уже проведены первые тренировки на шлюпках и академических судах.

Но раньше всех вышли на воду байдарочники. Правда, у берега кое-где еще сохранилось нагромождение ледяных обломков, и тут нужно было соблюдать осторожность. Ловко лавируя среди льдин, вырвались на простор три гребца.

На фото (слева направо): призер первенства СССР среди юношей по байдарочной гребле А. Сарапулов, чемпион Украины по академической гребле мастер спорта Г. Гришин и чемпион Украины по народной гребле Г. Холодовский на первой тренировке.

Фото И. Шаинского

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

Лебедь в кисах

Зимой прошлого года по служебным делам довелось мне быть в поселке Котровож, Ямало-Ненецкого округа. Однажды иду я на звероферму чернобурых лисиц и вдруг вижу: по дороге важно шагает лебедь, да еще в сапогах, сшитых из оленьей шкуры, по-местному — в кисах.

Мороз 40 градусов, вокруг поселка тундра, откуда же взялся лебедь? А он в это время поровнялся со мной, сошел с дороги, как бы уступая путь, затем взмахнул несколько раз крыльями, поднялся в воздух и полетел в другой конец поселка.

Расспросив жителей, я выяснил, что этот лебедь ещё маленьким был пойман на реке рыбаками в июне 1950 года.

Его взяла на воспитание одна колхозница, к которой лебедь очень привык и никуда не улетал от нее. Она и сшила лебедю на зиму кисы.

Сейчас мне стал известен конец этой истории.

...Наступила весна. Появились перелетные птицы. Наш лебедь стал волноваться, курлыкать, кусать свои кисы, как бы просил хозяйку освободить его от зимнего «обмундирования».

И вот однажды лебедь поднялся в воздух и присоединился к перелетной стае своих сородичей.

Интересно: как-то приняли птицы своего товарища в сапогах-кисах?

А. МАЛЬЦЕВ

г. Салехард.

Их образ жизни

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В медицинском журнале, выходящем в Марбурге (Германия), сообщалось недавно, что в барах и ночных притонах Западного Берлина можно было заметить молодых девушек, без особого усердия выполнявших обязанности «таксигерлс» (девушек, обязанных по заказу танцевать с любым из посетителей заведения). Как выяснилось, это были молодые врачи западноберлинских больниц, вынужденные заниматься подобной ночной работой, чтобы как-нибудь обеспечить свое существование.

Такое отношение гитлеровских последышей к интеллигенции — явление обычное. В Бремене на конференции молодых учителей один из ее участников, покраснев, неожиданно стал прощаться со своими коллегами.

— Я подал прошение о моем окончательном освобождении от обязанностей преподавателя,— заявил он,— однако я остаюсь на службе и даже в той же школе, в которой работал до сих пор, но буду я в ней ночным сторожем, так как эта должность оплачивается на сто марок выше.

«Юманите-диманш»

ИНТЕРЕСНЫЕ ИТОГИ

Полиция города Мюнхена (Западная Германия) сообщила: «В 1951 году американские солдаты совершили в городе восемьдесят вооруженных нападений на мирных жителей».

«Юманите-диманш»

НА АМЕРИКАНСКИЙ ЛАД

Некий американский издатель, в течение многих лет издававший в сокращенном виде сочинения известных писателей, обнаружил, что его книги почти лишились сбыта. Придя к заключению, что причина этого кроется в недостаточной выразительности названий произведений, он решил их переименовать. Таким образом «Пышка» Мопассана превратилась в «Жертву французской проститутки», а «Золотое руно» Теофила Готье получило название: «В поисках любовницы блондинки». Став в витрине рядом с такими «трудами», как «Советы против запора», эти переименованные сочинения обрели хороший спрос.

«Эстеррайхише фольксштимме».

НЕ С ТОГО КОНЦА

Как известно, Нью-Йорк — самый грязный город в мире. Недавно мэр одного из районов этого города, желая снискать себе популярность среди жителей, объявил «неделю аккуратности и чистоты». Полисменам района было вменено в обязанность штрафовать тех, кто нарушает чистоту и порядок.

...Из автобуса выходит пассажир и по привычке бросает использованный билет на тротуар. Немедленно к нему подходит полисмен, штрафует, вручает квитанцию.

— Что мне с ней делать? — спрашивает нарушитель.

— Можете выбросить!— следует ответ.

«Неделя аккуратности и чистоты» прошла с успехом. Но Нью-Йорк остался самым грязным городом в мире. Во всех отношениях.

«Юманите-диманш».

Вода против пыли

Борьба с так называемой производственной пылью, за оздоровление условий труда советского рабочего много лет ведется в нашей стране. К решению этой проблемы привлечены крупнейшие ученые и конструкторы. Еще в 1929 году в СССР был объявлен конкурс на лучшее предложение по борьбе с пылью на заводах и шахтах. Характерно, что в том же году французские промышленники обратились к ученым с предложением «научно» доказать, что вдыхание угольной пыли... безвредно для организма человека.

Об интересной работе, связанной с проблемой борьбы с угольной пылью, рассказал нашему корреспонденту лауреат Сталинской премии начальник отдела горных машин донецкого филиала института «Гипроуглемаш» А. Л. Сукач:

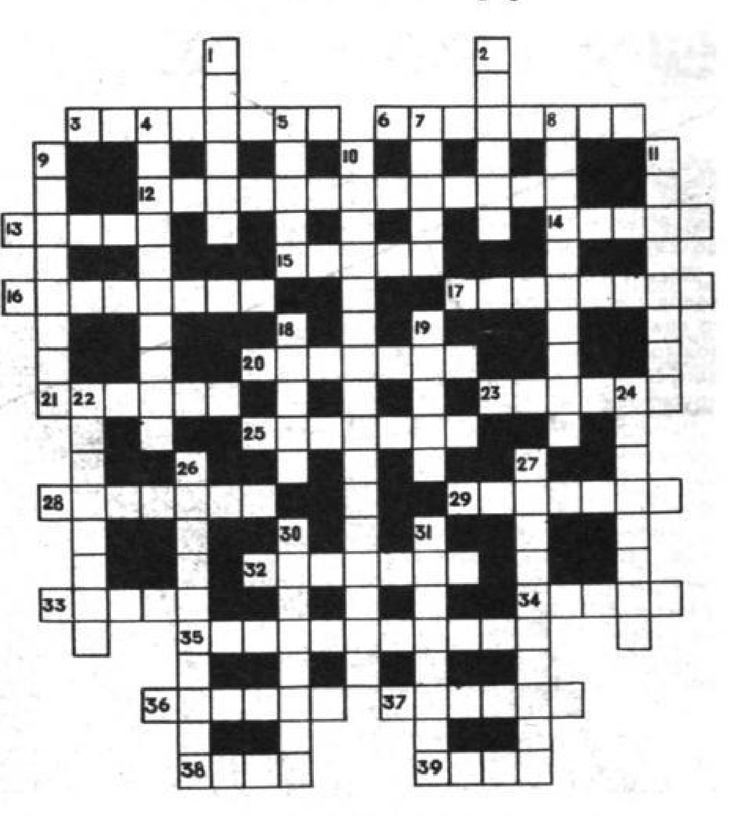
— Три года назад мы сконструировали получивший впервые в мире промышленное применение угольный комбайн «Донбасс». Он позволил значительно увеличить добычу угля и освободить шахтеров от тяжелого ручного труда. Создавая комбайн, конструкторы с самого начала задумались и над тем, чтобы рабочим в лаве были обеспечены наилучшие условия работы. В первую очередь следовало оградить горняков от пыли, которая возникает при работе комбайна.

В кубическом сантиметре городского воздуха содержится до тысячи пылинок. Количество пылинок в одном кубическом сантиметре воздуха в лаве значительно больше.

Нами были предложены особые пылегасительные устройства, устанавливаемые на угольных комбайнах. Конструкция этих устройств состоит из насосной установки, которая нагнетает воду по резиновому шлангу под давлением до 12 атмосфер к особым форсункам, размещенным на рабочей части комбайна. Форсунки превращают поток воды в сплошную завесу из мельчайших брызг. Увлажненная угольная пыль осаждается, очищая воздух.

Многочисленные опыты показали, что новые пылегасительные установки значительно снижают запыленность воздуха, и ими оснащаются сейчас все угольные комбайны, в том числе и ранее выпущенные.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Произведение устной народной поэзии. 6. Отдых учащихся. 12. Музыкальное сопровождение. 13. Трюк, основанный на проворстве и ловкости. 14. Небольшой поток воды. 15. Верхняя часть дерева. 16. Специалист по постановке голоса певца. 17. Название некоторых травянистых растений. 20. Автор поэмы «Зеленый заслон». 21. Проливной дождь. 23. Танец. 25. Радостное оживление. 28. Цветок, содержащий нектар. 29. Автор произведений о смешном и забавном. 32. Переплетающаяся зелень растений, ветвей. 33. Советская поэтесса. 34. Спортивное общество. 35. Обращение с выражением дружелюбия. 36. Музыкальный духовой инструмент. 37. Приспособление для приманки и ловли рыбы. 38. Имя главного действующего лица в пьесе М. Горького. 39. Тип лодки.

По вертикали:

1. Край леса. 2. Хоровой рефрен к песне. 4. Удачливый человек. 5. Актер, играющий роли комедийного репертуара. 7. Место действия в цирке. 8. Организатор концерта, вечера. 9. Журнал сатиры и юмора. 10. Проявление свободного, личного почина в каком-нибудь деле. 11. Морской рачок. 18. Мелодия, мотив. 19. Кинокартина. 22. Перерыв, промежуток. 24. Документ на право лечения и питания на курорте. 26. Система земледелия. 27. Весенний цветок. 30. Путь для безопасного прохода судов. 31. Отряд небольших судов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 17

По горизонтали:

4. Кулибин. 7. Полуботинки. 12. Гипотеза. 14. Дикобраз. 16. Аквамарин. 17. Арат. 19. Грамота. 20. Эквадор. 22. Рейн. 24. Гармоника. 26. Арка. 28. Реликвия. 29. Абориген. 30. Пигментация. 33. Артикул.

По вертикали:

1. «Муму». 2. Килограмм. 3. Фили. 5. Комета. 6. Скакун. 8. Дина. 9. Конференция. 10. Образование. 11. Ваза. 13. Акватория. 14. Директива. 15. Шофер. 18. Тайга. 21. Ботвинник. 23. Елец. 24. Гаврик. 25. Аноним. 27. Крем. 31. Марс. 32. Амур.

СГОРЯЧА (к началу футбольного сезона)

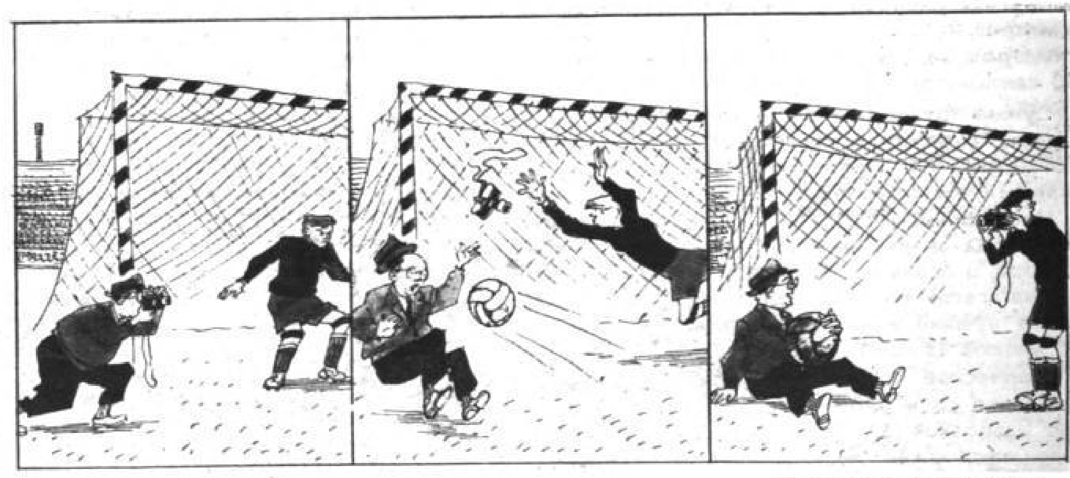

Рисунок Ю. Черепанова

В этом номере помещены репродукции картин П. Кончаловского «Сирень белая и красная», А. Ромодановской «Весна в Москве», плакаты китайских художников Ши Гуана «Новый урожай», У Дэ-цзу «Учиться у старших братьев — рабочих Советского Союза» и пять страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора) А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 01376. Подп. к печ. 21/IV 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 319. Заказ 786. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Хорошо спортсменом быть

Слова А. ЖАРОВА

Музыка В. МУРАДЕЛИ

Хорошо спортсменом быть,
Дальше всех бежать и плыть,
По горам ходить легко
Далеко, далеко.
Хорошо пилотом быть,
Самолет уметь водить,
Над землей взлетать легко
Высоко, высоко...

Если солнце печет,— хорошо, хорошо.
Если дождик идет,— хорошо, хорошо.
Если холод и снег,—
Будет лыжный пробег.
Нам, спортсменам, всегда хорошо!

Хорошо играть в футбол,
В баскетбол и волейбол,
На коньках скользить легко
Далеко, далеко.
Хорошо в стрельбе подчас
Испытать свой меткий глаз,
Поднимать планер легко
Высоко...

Если солнце печет,— хорошо, хорошо.
Если дождик идет,— хорошо, хорошо.
Если холод и снег,—
Будет лыжный пробег.
Нам, спортсменам, всегда хорошо!

Надо сильным, смелым быть,
Чтобы Родине служить,
Вместе с ней шагать легко
Далеко, далеко.
Мы вперед несем всегда
Знамя мира и труда.
Наш призыв — лети легко
Высоко, высоко.
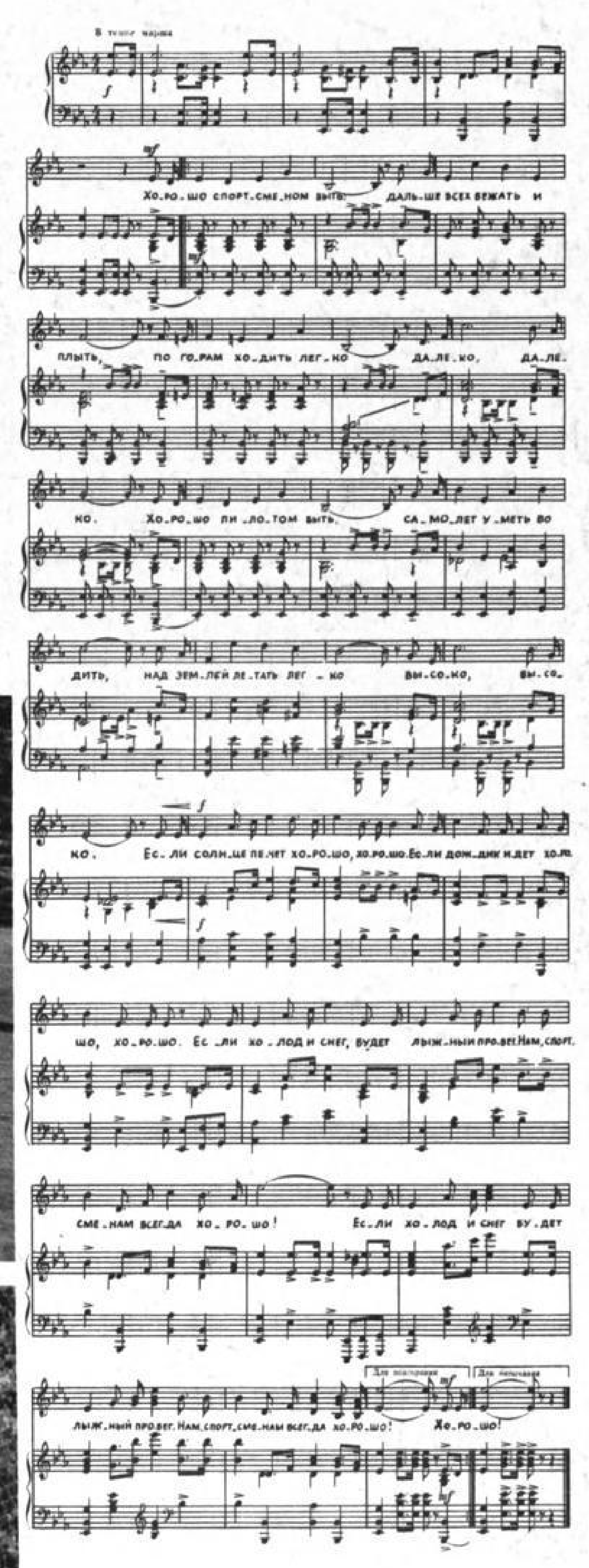
Если солнце печет,— хорошо, хорошо.
Если дождик идет,— хорошо, хорошо.
Если холод и снег,—
Будет лыжный пробег.
Нам, спортсменам, всегда хорошо!

